
Яна Петрова
Империя Джанан:
как выжить
султану в 21 веке?
18+

Яна Петрова

Империя Джанан: как выжить султану в 21 веке?

«Автор»
2026

Петрова Я. Л.

Империя Джанан: как выжить султану в 21 веке? /
Я. Л. Петрова — «Автор», 2026

Вторая часть данной книги переносит героев из дворца Топкапы в современную Россию 2026 года. Султан Мурад, его жена Джанан, Кёсем и сын Мехмед пытаются жить в новом мире, где нет гаремов, зато есть телефоны, машины и русский язык. Мурад учится зарабатывать деньги, Кёсем - печь торты и дружить с соседями, Джанан - совмещать учёбу и семью. Их любовь проходит испытание бытом, но от этого становится только крепче.А когда Кёсем начинает тосковать по верному Кеманкешу, который остался в Топкапы в 17 веке, герои решаются на невозможное - вернуться в прошлое, чтобы забрать его с собой.Но время не отпускает просто так... Впереди - новые трудности, юмор, нежность и любовь, которая сильнее времени и пространства. История продолжается...

© Петрова Я. Л., 2026
© Автор, 2026

Яна Петрова
Империя Джанан: как выжить султану в 21 веке?

Глава 1. Стамбул 2026 года

Стамбул июля две тысячи двадцать шестого года встретил их ослепительным солнцем, гулом машин и запахом моря, смешанным с бензином и горячим асфальтом. Джанан стояла на балконе отеля, прижимая к груди Мехмеда, и ветер шевелил её волосы, оставшиеся такими же, как в тот миг, когда зеркало в старом крыле Топкапы вспыхнуло белым светом. На ней всё ещё было то тёмно-синее платье с вышивкой жасмина, и в этом платье она казалась гостьей из другого века, случайно ступившей на стеклянный балкон современного Стамбула.

Мурад стоял рядом, и его рука лежала на перилах так крепко, словно он боялся, что балкон сейчас качнётся и унесёт их в неизвестность. Он был в тёмном кафтане, в котором покинул Топкапы, и его лицо, обычно непроницаемое, сейчас выдавало растерянность. Кёсем-султан стояла чуть поодаль, закутанная в шаль, и её глаза медленно скользили по городу, которого она не узнавала.

Внизу по набережной проносились автомобили, и их блестящие кузова отражали солнечный свет. Мурад нахмурился и наклонился вперёд, словно пытаясь разглядеть невиданное зрелище получше.

— Что это за повозки? — спросил он тихо, но твёрдо, как человек, привыкший получать ответы. — Я вижу, что они движутся сами, без лошадей и без возниц. Разве такое возможно?

Джанан улыбнулась и поправила одеяльце Мехмеда, который спал, не подозревая, что весь мир вокруг него внезапно переменился.

— Это машины, мой падишах, — ответила она мягко. — Здесь их называют автомобилями. Внутри сидит человек, который управляет ими при помощи особого устройства. Они заменяют кареты, в которых вы ездили по Стамбулу. Только вместо лошадей у них двигатель, а вместо кнута — руль и педали.

Мурад выпрямился и посмотрел на неё долгим взглядом, в котором было недоверие, смешанное с любопытством.

— Ты хочешь сказать, что эти повозки могут двигаться сами, без волов и лошадей? — переспросил он. — И люди доверяют им свою жизнь?

— Доверяют, — ответила Джанан. — И не только жизнь, но и каждый день свой. На них ездят на службу, на рынок, к родным. Они могут увезти человека через весь город быстрее, чем самый резвый конь.

Кёсем медленно перевела взгляд с машин на воду Босфора и поджала губы.

— А это что за суда? — спросила она, указывая на белоснежные яхты, стоявшие у причала. — Они похожи на галеры, но у них нет вёсел, и они не так высоки, как корабли, которые я видела в юности. Босфор немного изменился, хотя вода осталась той же.

Джанан посмотрела на яхты и почувствовала, как в груди что-то сжалось от нежности. Кёсем была права: Босфор остался Босфором, но всё вокруг него стало другим.

— Это яхты, — сказала Джанан. — Они тоже ходят по воде, как галеры и каики, но движутся при помощи двигателя, спрятанного внутри. На них люди отдыхают, путешествуют, принимают гостей. Босфор действительно изменился, валиде, но он всё ещё живёт, как жил прежде. Просто теперь по нему плывут не только торговые суда и лодки рыбаков, но и такие вот белые яхты.

Кёсем покачала головой и плотнее закуталась в шаль.

— В моё время, — сказала она задумчиво, — по этим водам ходили каики, лодки торговцев, военные галеры. А теперь я вижу суда, которые блестят, как драгоценности, и кажутся игрушками для богачей. Стамбул стал другим, Джанан. Он всё тот же и всё же не тот.

Джанан подошла к ней и осторожно коснулась её руки.

— Он стал другим, — согласилась она. — Но люди в нём остались людьми. Они так же любят, боятся, надеются и ищут счастья. Просто у них теперь другие дома, другие одежды и другие повозки.

Кёсем посмотрела вниз, на женщин, которые шли по набережной в лёгких платьях, с непокрытыми головами, и её брови медленно поднялись.

— Почему женщины одеты так? — спросила она, и в её голосе послышалось не осуждение, а искреннее изумление. — Я вижу женщин без покрывал, в одеждах, которые открывают руки и шею. Разве это не считается бесчестием?

Джанан понимала, что этот вопрос будет задан, и всё равно на мгновение замялась, подбирая слова понятнее.

— Здесь другие обычаи, валиде, — сказала она. — В этом времени женщины могут одеваться так, как им удобно. Они учатся, работают, выбирают себе мужей, ездят по городу без сопровождающих. Многие носят платки по вере или по желанию, но никто не заставляет их закрывать лицо. Женщина здесь может быть лекарем, учительницей, судьёй или даже правительницей.

Кёсем молчала так долго, что Джанан уже начала бояться, что валиде сочтёт этот мир неподобающим. Но потом Кёсем медленно кивнула, и в её глазах появилось что-то похожее на усталое уважение.

— Значит, этот мир дал женщинам больше, чем наш, — сказала она тихо. — В моё время женщина могла править только из тени, через сына или мужа. А тут она может выйти на свет сама. Это странно, но, пожалуй, это не худшее из изменений.

Мурад тем временем смотрел на высокие здания из стекла и бетона, и его лицо становилось всё более задумчивым.

— А эти дома? — спросил он, указывая на небоскрёбы. — Они такие высокие, что касаются неба. Неужели люди живут и в них?

— Живут, — ответила Джанан. — И работают. В этих домах много комнат, и в каждой может быть своя семья или своя служба. Они построены из камня, стекла и металла, и держатся благодаря науке, которую здесь называют инженерией.

Мурад покачал головой и провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть с себя удивление.

— В моё время самый высокий дом в Стамбуле был дворцом или минаретом, — сказал он. — А теперь я вижу башни, которые выше минаретов. Мне трудно поверить, что это не сон.

— Это не сон, — сказала Джанан. — И я обещаю, что объясню вам всё по порядку. Но давайте сначала войдём внутрь. Здесь жарко, а Мехмеду нужна прохлада.

Она повела их в номер, и когда дверь закрылась, Мурад и Кёсем остановились на пороге, словно наткнулись на невидимую стену. Номер был небольшим по меркам дворца, но для

людей семнадцатого века он казался чудом: мягкая кровать с белоснежным бельём, телевизор на стене, кондиционер, тихо гудящий под потолком, и ванная комната с зеркалом, раковиной и душем.

Мурад первым шагнул вперёд и медленно обвёл взглядом комнату.

— Это похоже на покои во дворце, — сказал он, — но только... иначе. Здесь всё устроено для удобства, а не для величия. Кто здесь главный? Кому принадлежит этот дом?

Джанан улыбнулась и поудобнее перехватила Мехмеда.

— Этот дом называется отелем, — объяснила она. — Здесь останавливаются путники, которые приехали в город по делам или для отдыха. У отеля есть хозяин и служащие, которые заботятся о гостях. Можно сказать, что администрация отеля похожа на султанский двор: есть главный человек, который отдаёт распоряжения, есть те, кто отвечает за порядок, за еду, за чистоту. Только здесь нет падишаха и визирей, а есть управляющий и служащие, которые помогают гостям.

Кёсем прошла вглубь комнаты и осторожно коснулась покрывала на кровати.

— Оно мягкое, — сказала она с удивлением. — Слишком мягкое. Как можно спать на таком? В моё время мы спали на тюфяках, набитых шерстью, и считали это удобством.

— К этому привыкаешь, — ответила Джанан. — Здесь кровати делают так, чтобы человек отдыхал с удобством. Но если вам будет неудобно, я попрошу принести более жёсткий тюфяк.

Кёсем усмехнулась и покачала головой.

— Я слишком долго спала на жёстком, чтобы теперь жаловаться на мягкое, — сказала она. — Но мне всё равно странно. Всё здесь странно.

Джанан показала им ванную комнату и открыла кран, и когда вода полилась из него, Мурад быстро отступил на шаг, словно ошпаренный.

— Что это? — спросил он. — Вода идёт сама, без слуг и без кувшинов. Откуда она берётся?

— Это водопровод, — объяснила Джанан. — Вода приходит по трубам, спрятанным в стенах, и её можно сделать тёплой или холодной. Это похоже на хаммам, только здесь всё устроено так, чтобы человек мог мыться в своей комнате, не выходя из неё.

Кёсем подошла ближе и осторожно протянула руку к воде, словно проверяя, не обманывает ли её зрение.

— В моё время, чтобы помыться, нужно было идти в хаммам, — сказала она. — Там были слуги, парильщицы, бассейны с горячей водой. А здесь... — она коснулась воды и вздрогнула от неожиданности, — здесь всё это помещается в одной небольшой комнате.

— Да, — сказала Джанан. — Здесь многое помещается в одной комнате. И это очень удобно.

Она показала им душ, объяснила, как включать и выключать воду, и Кёсем слушала её с таким вниманием, словно Джанан объясняла ей государственные дела. Мурад тоже слушал, но его взгляд то и дело возвращался к телевизору на стене.

— А это что за окно? — спросил он наконец. — Оно висит на стене, но за ним не видно улицы. Оно какое-то тёмное…

Джанан подошла к телевизору и взяла пульт.

— Это телевизор, — сказала она. — Его можно сравнить с окном, которое показывает не то, что происходит на улице, а то, что было записано раньше или показывается сейчас в другом месте. Внутри него движутся картины, и в этих картинах люди разыгрывают истории. Этих людей называют актёрами. Они играют роли, как в театре, только их игра записывается, и потом её могут увидеть миллионы людей.

Мурад нахмурился и посмотрел на неё так, словно она говорила о колдовстве.

— Ты хочешь сказать, что в этом ящике живут люди, которые разыгрывают истории? — спросил он. — И они не настоящие?

— Они настоящие люди, — ответила Джанан, — но то, что они делают, — это игра. Они изображают других людей, чтобы рассказать историю. Это похоже на то, как во дворце устраивали представления, только здесь их можно смотреть в любое время и в любой комнате.

Кёсем подошла ближе и с опаской посмотрела на экран.

— В моё время, — сказала она, — истории рассказывали сказители. Они приходили во дворец, садились на подушки и говорили часами, а мы слушали. А тут... — она осторожно коснулась экрана пальцем, — тут истории показывают. Это странно, но, наверное, удобно.

Джанан включила телевизор, и на экране появилась картинка: тихая улица, люди, машины, деревья. Мурад вздрогнул и отступил назад, а Кёсем прикрыла рот рукой.

— Не бойтесь, — поспешила сказать Джанан. — Это просто запись. Сейчас я покажу вам, как это выключить.

Она выключила телевизор, и экран погас, и Мурад медленно выдохнул.

— В моё время, — сказал он, — чтобы увидеть чужую землю, нужно было ехать туда месяцами. А здесь... — он посмотрел на погасший экран, — здесь можно увидеть всё, не выходя из комнаты. Это слишком много для одного человека.

— Это не слишком много, — сказала Джанан. — Это просто новый способ видеть мир. Со временем вы привыкнете.

Она показала им телефон, и Мурад долго смотрел на маленький светящийся экран, не решаясь взять его в руки.

— Это похоже на передачу мыслей на расстояние, — сказал он наконец. — В моё время гонцы скакали днями и ночами, чтобы передать одно послание. А в этом мире... — он осторожно взял телефон, — в этом мире человек может поговорить с другим человеком, который находится на другом конце города, и тот его услышит.

— Да, — сказала Джанан. — И не только услышит, но и увидит, если захочет. Но об этом позже.

Она повернулась к чемодану, который стоял в углу комнаты, и её сердце пропустило удар. Это был её чемодан. Тот самый, с которым она прилетела в Стамбул в июле две тысячи двадцать шестого года. Она узнала его по потёртой ручке и по наклейке с надписью «Стамбул» на боку.

— Это мои вещи, — сказала она тихо, и в её голосе была и радость, и растерянность. — Всё осталось так, как было. Как будто я никуда не пропадала.

Она открыла чемодан и увидела внутри свою одежду: джинсы, футболки, лёгкое платье, сандалии. Всё было на месте, словно время не тронуло её вещи. Только сама Джанан изменилась, и рядом с ней стояли люди из другого века, и на руках у неё спал сын, которого не было в её прежней жизни.

Мурад подошёл к ней и посмотрел на чемодан.

— Это твои вещи? — спросил он. — Те, что были с тобой до того, как ты попала во дворец?

— Да, — ответила Джанан. — Это одежда моего мира. Теперь она пригодится и вам.

Кёсем подошла и с любопытством посмотрела на джинсы.

— Это что? — спросила она. — Это мужская одежда?

— Это одежда для всех, — ответила Джанан. — Здесь женщины и мужчины носят похожие вещи. Это удобно, и никто не считает это неприличным.

Кёсем покачала головой, но в её глазах уже не было страха, только усталое любопытство.

— Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к этому, — сказала она. — Но, наверное, придётся.

Джанан закрыла чемодан и посмотрела на них обоих, и в её груди поднялась волна нежности и решимости.

— Я знаю, что вам страшно, — сказала она тихо. — Я знаю, что этот мир кажется вам чужим и непонятным. Но я обещаю, что научу вас всему, что знаю сама. Я научу вас русскому языку, потому что в моей стране люди говорят на нём, и без этого вам будет трудно. А пока я буду переводить вам всё, что говорят другие люди, и объяснять всё, что вы не поймёте. Вы не одни. Мы вместе, и мы справимся.

Мурад посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом, и в этом взгляде было столько всего, что Джанан почувствовала, как у неё перехватывает дыхание. Потом он медленно кивнул и положил руку ей на плечо.

— Я верю тебе, — сказал он тихо. — Я всегда верил тебе, даже когда не понимал, даже когда боялся. Я просто верил.

Кёсем подошла к ним и коснулась руки Мехмеда, который спал, не подозревая, что весь мир вокруг него переменился за считаные секунды.

— Мы справимся, — сказала она, и её голос был твёрдым, как в самые трудные дни во дворце. — Мы выжили в Топкапы. Выживем и здесь.

Джанан улыбнулась, и слёзы наконец потекли по её щекам, но это были слёзы облегчения.

— Выживем, — сказала она. — И не просто выживем. Мы будем жить. По-настоящему жить. Без страха, без интриг, без кафесов. Вместе.

За окном шумел Стамбул двадцать первого века, по Босфору плыли белые яхты, по набережной неслись машины, и в этом шумном, ярком, непонятном мире были четверо людей, которые только что начали новую жизнь вместе.

Глава 2. Сундук золотых из прошлого

Мурад медленно прошёл по комнате, и его шаги были тяжёлыми, словно он ступал по чужой земле, которая в любой миг могла уйти из-под ног. Он провёл рукой по стене, коснулся гладкой поверхности, на которой не было ни единой трещины, и на его лице появилось выражение человека, который пытается разгадать загадку, но не находит в ней ни начала, ни конца.

— В моё время, — сказал он, оборачиваясь к Джанан, — стены дворца были покрыты изразцами и шёлком, а здесь они голые, как ладонь. И всё же в этой простоте есть что-то такое, что невольно внушает уважение. Словно мастера, которые строили этот дом, не нуждались в украшениях, чтобы показать своё умение.

Кёсем подошла к окну и осторожно коснулась стекла, и её пальцы оставили на нём лёгкий след.

— А это окно, — произнесла она задумчиво. — Оно такое прозрачное, что кажется, будто его нет вовсе. В моё время окна затягивали слюдой или закрывали резными решётками, и через них мир казался разбитым на маленькие кусочки. А здесь я вижу весь город сразу, целиком, словно стою не в комнате, а на облаке.

Джанан улыбнулась и поправила одеяльце Мехмеда, который спал на кровати, раскинув ручки.

— Это стекло, валиде, — сказала она. — Его делают из песка, который плавят при очень сильном огне, а потом охлаждают, пока он не станет прозрачным. Оно пропускает свет, но не пропускает ветер и холод. В этом времени такие окна есть почти в каждом доме, и никто не считает их чудом.

Кёсем хотела что-то ответить, но в этот миг над головой Мурада раздался тихий гул, и из отверстия в стене подул холодный ветер. Мурад вздрогнул всем телом и резко обернулся, и его рука сама собой легла на пояс, где когда-то висел кинжал. Его лицо стало жёстким, словно он снова стоял в шатре над картой Багдада и ждал удара врага.

— Гроза! — воскликнул он, и в его голосе была та самая тревога, которую Джанан не слышала с тех пор, как они покинули Топкапы. — Откуда здесь ветер, если небо ясно? В моё время, если среди дня поднимался холодный ветер, это значило, что приближается буря, и мы закрывали ставни, гасили огни и ждали, пока небо не смилостивится над нами. Говори скорее, что происходит, и не скрывай от меня ничего!

Джанан поспешила к нему и мягко коснулась его руки, и это прикосновение, как всегда, подействовало на него лучше любых слов.

— Это не гроза, мой падишах, — сказала она спокойно. — Это кондиционер. Так называют устройство, которое висит на стене и делает воздух в комнате прохладным. Здесь слишком жарко, и без него человеку было бы тяжело дышать, особенно ребёнку. Кондиционер гонит холодный воздух, но он не приносит ни бури, ни дождя. Он служит лишь для того, чтобы людям было легче жить.

Мурад смотрел на неё долгим, недоверчивым взглядом, а потом медленно перевёл глаза на решётку кондиционера, из которой всё ещё шёл поток прохладного воздуха.

— Ты хочешь сказать, — произнёс он, — что в этом ящике спрятан ветер? И человек может выпустить его, когда пожелает, словно джинна из кувшина?

— Можно сказать и так, — ответила Джанан, едва сдерживая улыбку. — Только этот джинн не исполняет желаний, а просто охлаждает комнату. В моё время без таких устройств было бы очень трудно жить в жарких странах, и потому их ставят и во дворцах, и в бедных домах.

Кёсем подошла ближе и с опаской протянула руку к потоку воздуха, и когда холод коснулся её ладони, она тихо ахнула.

— В моё время, — сказала она, — чтобы охладить покои, слуги приносили лёд из подвалов и ставили его перед опахалами, и ветер разносил прохладу по комнате. А здесь... — она покачала головой, — здесь всё это помещается в маленьком ящике, и никто не должен таскать лёд и махать опахалом.

— Всё меняется, валиде, — сказала Джанан. — И это лишь одна из многих перемен, которые вам предстоит увидеть.

В этот миг её взгляд упал в дальний угол комнаты, и она замерла. Там, у стены, за креслом, стоял сундук, которого она не замечала раньше. Он был тяжёлым, обитым железом, с резной крышкой, и в его очертаниях было что-то такое знакомое, что у Джанан перехватило дыхание.

— Смотрите, — сказала она тихо. — Там что-то есть.

Мурад обернулся и тоже увидел сундук, и его лицо сразу изменилось. Он шагнул к нему так быстро, словно боялся, что сундук исчезнет, если он промедлит хоть мгновение, и опустился перед ним на колени.

— Этого не может быть, — произнёс он, и его голос дрогнул. — Это сундук из моей казны. Я узнал его по резьбе и по железу. Такие сундуки делали для меня мастера в Стамбуле, и их было всего несколько.

Он осторожно поднял крышку, и в комнате стало тихо, словно сам воздух затаил дыхание. Внутри, до самых краёв, лежали золотые монеты, и их блеск был таким ярким, что казался светом, запертым в деревянном ящике.

Мурад смотрел на них, и его руки дрожали.

— Это моё золото, — сказал он глухо. — Я узнаю эти монеты. На них отчеканено моё имя. Я сам приказывал чеканить их, и я сам держал их в руках, когда подписывал указы о жалованье янычарам. Как они оказались здесь? Как сундук из моего дворца попал в этот мир?

Кёсем подошла и тоже заглянула внутрь, и её лицо побледнело.

— В моё время, — произнесла она тихо, — за такой сундук можно было купить целую провинцию. А здесь он стоит в углу, словно забытая корзина с бельём.

Джанан опустилась рядом с Мурадом на колени и посмотрела на монеты, и в её голове медленно сложилась мысль, которую она не сразу решилась произнести.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что время захотело, чтобы мы не пропали в этом мире все вместе. Оно послало нам эти средства для жизни. Быть может, это знак того, что нас здесь ждут и что мы должны выжить.

Мурад взял горсть монет в руки и поднёс их к лицу, и Джанан увидела, как он вдыхает их запах, словно запах родного дома.

— Это спасение, — сказал он тихо, и в его голосе была такая благодарность, что Джанан почувствовала, как к её глазам подступают слёзы. — Я думал, что мы остались ни с чем, что у нас нет ни дома, ни земли, ни слуг, ни денег. А теперь я держу в руках своё золото, и оно говорит мне, что мы не погибнем тут.

— Мы не погибнем, — подтвердила Джанан. — Но я должна сказать вам, что в этом мире деньги выглядят иначе. Люди здесь тоже пользуются монетами и бумагами, которыми можно расплатиться, только они уже не золотые. В Стамбуле расплачиваются лирами, а в других странах — своими деньгами. В России, откуда я родом, люди пользуются рублями.

Кёсем нахмурилась и посмотрела на неё с недоумением.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, — что за эти монеты здесь никто не продаст нам хлеба? Что золото моего сына в этом мире ничего не стоит?

— Не совсем так, — ответила Джанан. — Золото ценится везде, и в этом мире тоже. Но здесь не принято расплачиваться старинными монетами напрямую. Я не знаю, как это устроить, но думаю, что мы что-нибудь придумаем. Может быть, нам удастся обменять эти монеты на здешние деньги. Золота много, и если его обменять, денег получится тоже много, и нам хватит их надолго.

Мурад медленно опустил монеты обратно в сундук и закрыл крышку, и его лицо стало задумчивым.

— В моё время, — сказал он, — когда казна пустела, я созывал визирей, и мы решали, откуда взять деньги. Мы повышали налоги, продавали должности, брали займы у купцов. А

здесь, выходит, мне нужно найти человека, который обменяет моё золото на эти... лиры. И я даже не знаю, как они выглядят.

— Мы найдём его, — сказала Джанан. — В этом мире есть места, где меняют деньги. Их называют банками. Но туда мы пойдём позже, когда немного осмотримся.

В этот миг Мехмед проснулся и начал плакать, и его крик был громким и требовательным. Кёсем сразу подошла к кровати и взяла ребёнка на руки, и её движения были уверенными, словно она делала это всю жизнь.

— Он голоден, — сказала она. — В моё время кормилица дала бы ему грудь, а если бы её не было, приготовили бы кашу из толчёного риса с молоком. А здесь чем кормят младенцев?

Джанан достала телефон и открыла приложение, в котором можно было заказать еду.

— Здесь есть особая смесь для младенцев, — объяснила она. — Её готовят из молока и добавляют в неё всё, что нужно ребёнку, чтобы он рос здоровым. Я закажу её вместе с едой для нас. Мы все хотим есть.

Мурад смотрел на телефон в её руках с тем же недоверием, с каким смотрел на кондиционер.

— Ты хочешь сказать, — спросил он, — что эта маленькая коробочка может позвать слуг, которые принесут нам еду? И они придут, даже если мы не пошлём за ними гонца?

— Придут, — ответила Джанан. — Здесь это называется доставкой. Человек выбирает еду в этой коробочке, и через некоторое время её приносят прямо к двери. Я покажу вам, как это делается.

Она открыла список блюд и стала показывать им картинки, и Мурад с Кёсем склонились над экраном, словно над картой сражения.

— Вот это, — сказала Джанан, указывая на изображение, — называется кебаб. Это мясо, приготовленное на огне, с пряностями и лепёшкой. Похоже на то, что готовил Бейнем-ага в ваше время на кухне дворца.

Мурад посмотрел на картинку и медленно кивнул.

— Это похоже на то, что я ел в походах, — сказал он. — Только там мясо было жёстче, потому что его готовили на скорую руку над костром, а здесь оно выглядит так, словно его готовили для самого падишаха.

— А вот это, — продолжила Джанан, показывая следующее блюдо, — плов. Рис с мясом и морковью. Я думаю, вам понравится, потому что это блюдо известно с давних времён. Мы ведь тоже ели это блюдо во дворце.

Кёсем внимательно посмотрела на картинку и кивнула.

— Плов я знаю, — сказала она. — В моё время его готовили на праздники. Но здесь он выглядит иначе, словно его украсили для картины.

— А вот это, — сказала Джанан, — суп. Он называется чечевичный, и его варят из чечевицы с луком и морковью. В моё время... — она запнулась, потому что едва не сказала «в ваше время», — в ваше время такой суп тоже готовили, только, наверное, без тех пряностей, что кладут здесь.

Мурад посмотрел на неё и впервые за всё утро улыбнулся, и эта улыбка была слабой, но настоящей.

— Мне кажется, — сказал он, — что в этом мире еда осталась той же, что и в моём. Только готовят её иначе и подают на других блюдах.

— Еда осталась той же, — согласилась Джанан. — Люди всегда ели и будут есть. Меняются лишь способы её приготовить.

Она выбрала кебаб для Мурада, плов и суп для Кёсем, салат и лёгкое блюдо для себя, а также смесь для Мехмеда, и нажала кнопку заказа. Телефон тихо пискнул, и на экране появилась надпись, что заказ принят.

— Всё, — сказала она. — Через полчаса еду принесут.

Кёсем посмотрела на неё с изумлением.

— Через полчаса? — переспросила она. — В моё время, чтобы приготовить пир для гостей, нужно было начинать за день, а то и за два. А здесь ты просто сказала несколько слов этой коробочке, и через полчаса тебе принесут еду?

— Здесь всё делается быстрее, — ответила Джанан. — Люди научились готовить еду заранее и развозить её по всему городу. Это называется ресторан. В нём работают повара, которые готовят для всех, кто закажет.

Мурад покачал головой и сел в кресло, и его лицо было задумчивым.

— В моё время, — сказал он, — я мог позвать повара и приказать ему приготовить что угодно, и он готовил. Но чтобы еду приносили прямо в комнату, словно я сам не могу спуститься в трапезную... — он усмехнулся, — это кажется мне странным. Словно я стал немощным старцем, которому прислуживают со всех сторон.

— Здесь так принято, — сказала Джанан мягко. — И это не признак немощи, а признак удобства. Люди в этом мире ценят время и стараются не тратить его на то, что можно поручить другим.

Кёсем села на край кровати и покачала Мехмеда на руках, и её лицо стало серьёзным.

— Джанан, — сказала она. — Я должна спросить тебя о важном. Когда мы вошли в этот дом, никто не спросил у нас имён и не записал нас в книги. Как это возможно? В моё время в каждом доме знали, кто в нём живёт, и если бы в Стамбуле появились чужестранцы, стража сразу бы узнала об этом.

Джанан вздохнула и села напротив неё.

— Этот номер записан на моё имя, — объяснила она. — Когда я приехала сюда в первый раз, я сняла его на несколько дней и заплатила вперёд. Администрация отеля думает, что здесь живу только я одна. Если они узнают, что в комнате есть ещё люди, они могут удивиться и потребовать, чтобы я заплатила за них отдельно.

Мурад нахмурился и поднялся с кресла.

— Ты хочешь сказать, — произнёс он, и в его голосе снова появилась сталь, — что за то, чтобы жить в этом доме, нужно платить? И что за меня и за мать нужно платить отдельно?

— Да, — ответила Джанан. — В этом мире за всё нужно платить: за дом, за еду, за воду, за свет. Я заплачу за вас из своих сбережений, которые у меня остались на карте.

Она показала им телефон, и на экране появилась цифра, которая ничего не говорила ни Мураду, ни Кёсем.

Мурад посмотрел на неё, и его лицо стало суровым.

— Я не позволю, — сказал он твёрдо. — Не пристало женщине платить из своей казны за мужчину. В моё время мужчина, который позволял жене платить за себя, покрывал себя позором. Я султан и я не допущу, чтобы ты тратила свои деньги на меня и на мою мать.

Джанан посмотрела на него, и в её глазах была и нежность, и твёрдость, которую она приобрела за месяцы, проведённые во дворце.

— Мой падишах, — сказала она спокойно. — Я понимаю вашу гордость, и я её уважаю. Но сейчас всё иначе. Здесь у вас нет казны, которой можно распоряжаться, и нет слуг, которых можно послать за деньгами. Ваше золото лежит в сундуке, но мы пока не знаем, как его обменять. Поэтому позвольте мне заплатить сейчас, из моих сбережений, и это будет временно. Как только мы найдём способ обменять ваши монеты, вы вернёте мне всё до последней монеты.

Мурад молчал, и было видно, что слова даются ему нелегко. Он смотрел на сундук, на телефон в её руках, на сына, который спал на руках Кёсем, и его лицо медленно менялось.

— Хорошо, — сказал он наконец, и это слово прозвучало так, словно он отдавал приказ о капитуляции. — Но я не забуду этого. И когда я найду способ обменять золото, я верну тебе всё, и даже больше.

— Я не сомневаюсь в этом, — ответила Джанан и улыбнулась.

Она поднялась и подошла к чемодану, и её лицо стало задумчивым.

— Мне нужно спуститься вниз, к администрации, — сказала она. — Я должна решить вопрос с вами, сказать, что вы мои знакомые, которые приехали неожиданно. Но прежде я переоденусь в свою одежду, потому что в этом платье люди будут смотреть на меня косо.

Она открыла чемодан и достала джинсы и простую футболку, и Кёсем с Мурадом смотрели на эти вещи с таким выражением, словно она доставала из сундука одежду для духов.

— Это твоя одежда? — спросила Кёсем. — Та, в которой ты ходила до того, как попала во дворец?

— Да, — ответила Джанан. — В этом мире так ходят все. И если я выйду в платье с вышивкой, люди решат, что я актриса, которая играет в историческом представлении.

Она ушла в ванную комнату и через несколько минут вышла оттуда в джинсах и футболке, и её волосы были собраны в простой хвост. Мурад смотрел на неё так, словно видел впервые.

— Ты выглядишь иначе, — сказал он тихо. — Не хуже. Просто иначе. Словно ты стала другой женщиной.

— Я и стала другой, — ответила Джанан. — Но внутри я осталась той же. Я всё та же Джанан, которая выпила яд, чтобы спасти Айше, и которая вынесла ребёнка из огня и которая спасла вас и вашу маму от гибели. Просто теперь на мне другая одежда.

Она взяла телефон и ключ от номера и подошла к двери.

— Подождите меня здесь, — сказала она. — Я спущусь вниз и всё решу. Не выходите из комнаты и не открывайте дверь никому, кроме меня. Если кто-то постучит, скажите, что вы ждёте подругу, а она сейчас вернётся.

Мурад кивнул, и в его взгляде была та самая решимость, которую Джанан видела у него в самые трудные дни.

— Мы будем ждать, — сказал он. — И мы не подведём тебя. Иди.

Кёсем подошла к ней и коснулась её руки, и это прикосновение было тёплым и материнским.

— Будь осторожна, — сказала она. — В моё время женщине не следовало ходить одной по незнакомым местам. Я не знаю, как здесь, но я всё равно прошу тебя быть осторожной.

— Я буду, — ответила Джанан и вышла из комнаты, и дверь за ней закрылась с тихим щелчком.

Глава 3. Возгласы толпы

Джанан спустилась на первый этаж и подошла к стойке администрации, за которой сидела молодая женщина с аккуратной причёской и усталыми глазами. В холле отеля было прохладно, тихо играла музыка, и несколько постояльцев сидели в креслах с телефонами в руках, и никто из них не подозревал, что наверху, в номере, находятся трое людей из семнадцатого века.

— Добрый день, — сказала Джанан, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно. — Я хотела бы уточнить один вопрос по моему номеру.

Женщина за стойкой подняла глаза и улыбнулась той вежливой улыбкой, которой в отелях улыбаются всем гостям без исключения.

— Конечно, госпожа. Назовите, пожалуйста, номер вашего бронирования.

Джанан назвала номер, и женщина застучала по клавиатуре, и её лицо на мгновение стало задумчивым.

— Всё верно, номер оплачен на ваше имя до конца недели, — сказала она. — Есть ли какие-то проблемы?

— Понимаете, — начала Джанан, и она почувствовала, как внутри всё сжимается, — ко мне приехали знакомые. Их трое. Они приехали неожиданно, и я хотела бы, чтобы они жили со мной в номере.

Улыбка женщины за стойкой стала чуть более натянутой.

— Разумеется, госпожа. Это не проблема. Нам нужно только зарегистрировать их и внести в систему. Вы можете предоставить их документы?

Джанан почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Документы? — переспросила она.

— Да, паспорта или удостоверения личности, — сказала женщина, и в её голосе появилась та самая казённая твёрдость, которая появляется у людей, привыкших следовать прави-

лам. — По закону все, кто проживает в гостинице, должны быть зарегистрированы. Мы обязаны передавать эти сведения в соответствующие органы.

Джанан молчала, и в её голове лихорадочно проносились мысли. Она не могла сказать правду. Она не могла сказать, что её знакомый, а вернее, на самом деле муж — султан Османской империи, который умер четыреста лет назад, что его мать — валиде, которая правила империей из-за кулис, и что у них нет документов, потому что они родились в другом веке.

— У них нет документов, — сказала она наконец, и это была правда, и от этой правды у неё пересохло во рту. — Они приехали издалека. Их документы остались... в другом месте.

Женщина за стойкой смотрела на неё долгим, изучающим взглядом, и её улыбка окончательно исчезла.

— Госпожа, — произнесла она, и в её голосе появилось сожаление, смешанное с непреклонностью, — я не могу зарегистрировать людей без документов. Это против правил. Если я это сделаю, у меня будут неприятности. Я вынуждена попросить вас либо предоставить документы, либо освободить номер. И ещё я должна спросить: а как ваши знакомые вообще попали в номер? У нас на входе стоит охрана, и все гости проходят через регистрацию. Если их не было в списках, как они оказались наверху?

Джанан на мгновение замялась, чувствуя, как в горле всё пересыхает от волнения. Но потом она вспомнила, как в Топкапы училась говорить ложь так, чтобы она звучала убедительно.

— Они приехали ночью, — произнесла она спокойно. — Я спустилась, и охраны не было. Наверное, охранник был занят и куда-то отошёл. Я не хотела никого тревожить и решила, что утром всё улажу.

— Вы знаете, что так не делается? — с недоумением спросила администратор. — Если они без документов, то тогда освобождайте номер сегодня же. А иначе будут проблемы. Я разберусь с охраной.

— Освободить номер? — переспросила Джанан, и её голос дрогнул.

— Да, — сказала женщина. — Я понимаю, что это неприятно, но таковы правила. Вы можете остаться до конца дня, но прямо сегодня номер должен быть свободен. И вы должны будете оплатить пребывание ваших знакомых за один день, даже если они не были зарегистрированы.

Джанан почувствовала, как к её глазам подступают слёзы, но она не позволила им пролиться. Она слишком долго училась держать лицо в Топкапы, чтобы теперь, в холле современного отеля, дать волю слабости.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Я заплачу за один день. И мы освободим номер сегодня в течение нескольких часов.

Она достала телефон и оплатила счёт, и когда деньги ушли с её счёта, она почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. У неё оставалось не так много сбережений, и теперь она тратила их на то, чтобы её семья могла быть в безопасности.

Она поднялась обратно в номер и закрыла за собой дверь, и Мурад и Кёсем сразу посмотрели на неё, и по её лицу они поняли, что новости не из добрых.

— Что случилось? — спросил Мурад, поднимаясь с кресла. — Ты выглядишь так, словно увидела привидение.

Джанан села на край кровати и сделала глубокий вдох.

— Нам нужно срочно сделать для вас документы, — сказала она. — В этом мире у каждого человека есть бумаги, в которых записано, кто он, откуда и когда родился. Без таких бумаг человек не может ни жить в гостинице, ни ездить по городу, ни улететь в другую страну. Администрация требует паспорта, а у вас их нет. Поэтому нам нужно уйти из отеля и найти способ получить документы.

Мурад нахмурился, и его лицо стало жёстким.

— В моё время, — сказал он, — у человека тоже были бумаги. Фирманы, указы, грамоты. Но чтобы простой человек не мог жить в доме без бумаги... — он покачал головой. — Это кажется мне странным. Словно в этом мире никто не верит друг другу без печати и подписи.

— Здесь так принято, — ответила Джанан. — И это не недоверие, а порядок. Бумаги нужны, чтобы защитить человека, чтобы никто не мог отнять у него имя, дом или семью.

Кёсем подошла к ней и посмотрела на неё внимательно.

— А как же мы получим эти бумаги? — спросила она. — В моё время, чтобы получить грамоту, нужно было идти к писцу, потом к кадию, потом к визирю, и на всё это уходили недели. А здесь сколько времени это займёт?

— Не знаю, — честно ответила Джанан. — Но мы что-нибудь придумаем. В этом мире есть люди, которые помогают с бумагами. Их называют юристами. Но прежде нам нужно решить, где мы будем жить. У нас есть золото, и если мы обменяем его, у нас будет достаточно денег, чтобы снять жильё.

В этот миг в дверь постучали, и Джанан вздрогнула, но потом вспомнила, что это, должно быть, доставка еды. Она открыла дверь, и молодой человек с сумкой вручил ей пакеты, из которых пахло мясом, специями и чем-то тёплым и сытным.

— Ваш заказ, госпожа, — сказал он и ушёл.

Джанан разложила еду на столе, и Мурад с Кёсем смотрели на неё с таким выражением, словно видели перед собой пир, устроенный в честь великого праздника.

— Это кебаб, — сказала Джанан, указывая на блюдо. — Это плов. Это суп. А это смесь для Мехмеда.

Кёсем взяла на руки Мехмеда и начала кормить его из бутылочки, и он сразу успокоился, и его плач сменился тихим сосанием. Мурад сел за стол и взял кусок кебаба, и когда он попробовал его, его лицо изменилось.

— Это вкусно, — сказал он с удивлением. — Очень вкусно. Словно меня вернули в моё время, но только еда стала мягче и ароматнее.

— В этом мире научились готовить так, чтобы еда была не только сытной, но и приятной, — сказала Джанан.

Они ели молча, и в комнате было тихо, и только Мехмед тихо сопел на руках Кёсем. А потом Джанан встала и подошла к чемодану, и её лицо стало решительным.

— Нам нужно собираться, — сказала она. — Мы не можем оставаться здесь дольше. Я упакую вещи, и мы уйдём.

Она начала складывать свою одежду в чемодан, и Кёсем смотрела на неё с недоумением.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, — что мы уйдём из этого дома прямо сейчас? Но куда? У нас нет другого дома. У нас нет слуг, которые приготовили бы нам покои.

— Мы найдём другой дом, — ответила Джанан. — В этом мире есть много домов, которые можно снять за деньги. А деньги у нас есть. — Она указала на сундук с золотом. — Нам нужно только обменять ваше золото на здешние деньги.

Мурад поднялся и подошёл к сундуку, и его лицо было задумчивым.

— Я возьму его сам, — сказал он твёрдо. — В моё время мужчина, который позволял жене нести казну и тяжести, покрывал себя позором.

Джанан не стала спорить. Она понимала, что для него это важно, и что в этом жесте было не только желание помочь, но и попытка сохранить достоинство в мире, который этот мир отнял у него всё остальное.

Она закрыла чемодан и передала его Мураду, и он взял его так, словно это был не чемодан, а боевое знамя. Кёсем взяла Мехмеда на руки, и Джанан накинула на плечо сумку с документами и деньгами, и они вышли из номера.

В холле отеля на них смотрели с удивлением. Женщина за стойкой проводила их долгим взглядом, и в этом взгляде было и облегчение, и любопытство. Мурад шёл впереди, и его осанка была такой, словно он шёл не по коридору отеля, а по залам Топкапы, и люди невольно расступались перед ним.

Они вышли на улицу, и солнце ударило им в лицо, и Мурад на мгновение зажмурился. А потом он увидел людей, которые шли по тротуару, и машины, которые неслись по дороге, и его лицо снова стало напряжённым.

И в этот миг кто-то из прохожих остановился и посмотрел на него, и его лицо изменилось.

— Султан Мурад! — воскликнул он, и его голос был таким громким, что его услышали все вокруг. — Кёсем-султан! Это они! Я узнал их! Это из сериала!

Джанан почувствовала, как внутри всё сжимается. Она не подумала о том, что на них так резко накинутся фанаты знаменитого сериала.

К ним подбежали ещё несколько человек, и вокруг них начала собираться толпа. Люди доставали телефоны и снимали их, и их лица были полны восторга и любопытства.

— Можно с вами сфотографироваться? — спрашивала молодая женщина с телефоном в руках. — Просто невероятно!

— Дайте автограф, пожалуйста! — кричал парень в футболке с надписью. — Моя мама смотрит этот сериал каждый день!

Мурад напрягся, и его рука сама собой легла на пояс, словно он искал кинжал, которого там не было. Его лицо стало жёстким, и в глазах появился тот самый огонь, который Джанан видела в моменты опасности.

— Что это значит? — произнёс он тихо, но так, чтобы слышала только Джанан. — Почему эти люди ведут себя так, словно знают меня? И почему они кричат моё имя, словно я какой-то уличный глашатай?

Джанан поспешила к нему и мягко коснулась его руки, и это прикосновение, как всегда, подействовало на него лучше любых слов.

— Не бойтесь, мой падишах, — сказала она тихо. — Эти люди не враги. Они знают вас, потому что видели вас в историях, которые здесь называют сериалами. Они узнают ваши лица из сериала. Они не хотят причинить вам зла. Они просто... восхищаются вами.

Кёсем смотрела на толпу с удивлением, и в её глазах было что-то такое, чего Джанан не видела раньше. Это была не тревога и не страх. Это было что-то похожее на умиление.

— В моё время, — сказала она тихо, — когда я выходила к народу, люди тоже собирались вокруг меня. Я кормила их в фонде, я давала им убежище, я выслушивала их жалобы. Они любили меня, потому что я была рядом с ними. А здесь... — она посмотрела на толпу, — здесь они смотрят на меня так же, как смотрели когда-то. Словно я всё ещё та, кто заботится о них.

— Так и есть, валиде, — сказала Джанан. — В этих историях вы показаны как женщина, которая заботится о народе. Люди видят в вас ту, кто защищает слабых и помогает бедным. Они любят вас так же, как любили когда-то.

Мурад слушал её и смотрел на толпу, и его лицо медленно менялось. Потом он выпрямился и посмотрел на людей так, словно сидел на троне в большом зале Дивана.

— Я султан Мурад, — произнёс он громко и твёрдо. — Повелитель Османской империи. И я требую, чтобы вы оказали мне подобающее уважение. В моё время люди, которые стояли передо мной, кланялись и не смели поднять глаз.

Толпа на мгновение затихла, а потом кто-то рассмеялся, и этот смех подхватили другие.

— Да ладно, — сказал парень в футболке. — Вы правда думаете, что мы вам поверим? Это же просто сериал. Вы хорошо играете, но мы же знаем, что это не по-настоящему.

Мурад побледнел, и его руки сжались в кулаки.

— Это невежество, — произнёс он, и его голос дрожал от гнева. — Я стою перед ними, я называю своё имя, а они смеются надо мной. В моё время за такое отрубали головы.

Джанан поспешила вмешаться. Она встала между ним и толпой и подняла руку, и её голос был спокойным, но твёрдым.

— Прошу тебя, — сказала она. — Эти люди не хотели тебя обидеть. Они просто не понимают, кто ты. В этом мире султанов больше нет. Есть только истории о них. И люди думают, что ты играешь роль.

Она повернулась к Мураду и посмотрела на него с той самой нежностью, которая всегда успокаивала его.

— Мой падишах, — сказала она тихо. — Я знаю, что тебе тяжело. Я знаю, что ты привык к тому, что перед тобой склоняются. Но этот мир другой. Здесь тебя не будут бояться. Но тебя могут полюбить. И это гораздо важнее.

Мурад смотрел на неё тяжёлым взглядом, и его гнев медленно угасал, уступая место чему-то другому. Чему-то, что было похоже на усталое понимание.

— Я не понимаю этого мира, — сказал он тихо. — Я не понимаю, как в нём жить. В моё время всё было просто: есть султан, есть подданные, есть закон. А здесь... — он обвёл рукой толпу, улицу, машины, — здесь всё перевернулось с ног на голову.

— Я знаю, — ответила Джанан. — И я обещаю, что объясню тебе всё. Позже я покажу тебе истории, в которых ты узнаешь себя. Ты увидишь, как люди представляют твою жизнь,

и поймёшь, почему они так реагируют. А пока давай просто уйдём отсюда. Нам нужно найти место, где можно обменять золото и сделать документы.

Она взяла Мурада за руку и повела его через толпу, и Кёсем пошла следом, прижимая к груди Мехмеда. Люди расступались перед ними, и некоторые всё ещё снимали их на телефоны, но теперь в их глазах было не только любопытство, но и что-то похожее на уважение.

Они шли по улице, и Джанан объясняла им всё, что видела: светофоры, которые останавливают машины, магазины, в которых продают еду и одежду, скамейки, на которых отдыхают люди. Мурад слушал молча, но его взгляд становился всё более внимательным.

— А куда именно сейчас мы идём? — спросил он наконец.

— Сначала мы найдём место, где можно обменять золото, — ответила Джанан. — Потом найдём человека, который поможет с документами. А потом... — она помолчала и улыбнулась, — потом мы сядем на самолёт и полетим в Россию к моим родителям. Там мы сможем начать новую жизнь.

Мурад посмотрел на неё, и в его глазах появилось что-то похожее на надежду.

— В Россию? — переспросил он. — В страну, откуда ты родом?

— Да, — ответила Джанан. — В страну, где я родилась. Там нас ждут. Там мы будем в безопасности.

Мурад молчал, и его руки крепче сжали ручку чемодана и сундук с золотом. Он думал о том, что ждёт их впереди, и в его глазах была и тревога, и решимость.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Мы пойдём за тобой. Веди нас.

И они пошли дальше по улице, и солнце светило им в спину, и впереди был новый мир, который им предстояло узнать.

Глава 4. Одежда для султана

Они прошли уже два квартала, и солнце поднималось всё выше, и жара становилась всё сильнее, и Мурад шёл с таким лицом, словно каждый шаг давался ему с трудом. Его кафтан был слишком тёплым для июльского Стамбула, и по его вискам уже текли капли пота. Кёсем

тоже шла медленно, и её шаль давно соскользнула на плечи, и она то и дело вытирала лицо краем рукава.

Джанан остановилась посреди тротуара и обернулась к ним, и её лицо стало задумчивым.

— Подождите, — сказала она. — Я только сейчас поняла, что мы делаем всё не в том порядке. Прежде чем обменять золото и сделать документы, нам нужно купить вам современную одежду.

Мурад посмотрел на неё с недоумением.

— Зачем? — спросил он. — В моё время одежда говорила о человеке больше, чем его слова. По кафтану можно было узнать, кто перед тобой: воин, купец или учёный. Зачем мне менять то, что говорит о моём достоинстве?

— Затем, мой падишах, — ответила Джанан мягко, — что в этом кафтане ты выглядишь как человек из другого времени. Люди смотрят на тебя, как на актёра, который забыл переодеться после представления. И пока мы не объясним всем, кто вы, лучше не привлекать к себе внимания. У меня осталось немного денег, и их хватит на одежду для вас обоих.

Кёсем нахмурилась и плотнее закуталась в шаль.

— Ты хочешь сказать, — произнесла она, — что я должна снять это платье и надеть то, в чём ходят здешние женщины? То, что открывает руки и шею?

— Вам не обязательно надевать то, что открывает всё, — сказала Джанан. — Можно выбрать скромную одежду. Здесь есть длинные платья, широкие брюки, лёгкие туники. Главное, чтобы вам было удобно и чтобы вы так явно не выделялись из толпы.

Мурад молчал, и было видно, что он борется с собой. Потом он тяжело вздохнул и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Веди нас. Но я не надену ничего, что опозорит меня.

— Ничего не опозорит, — пообещала Джанан. — Я позабочусь об этом.

Она повела их к торговому центру, который стоял неподалёку, и когда они вошли внутрь, Мурад и Кёсем остановились на пороге, и их лица вытянулись от изумления. Внутри было

прохладно, играла тихая музыка и повсюду стояли стеклянные витрины, за которыми висели одежда, обувь, сумки и множество вещей, которых они никогда не видели.

— Что это за место? — спросил Мурад, и его голос дрогнул. — Это дворец какого-то паши? Или рынок, который спрятали от дождя и ветра?

— Это торговый центр, — объяснила Джанан. — Здесь продают одежду и другие вещи. Можно ходить, смотреть, выбирать. Если что-то понравится, мы это купим. Это как рынок.

Кёсем медленно переводила взгляд с одной витрины на другую, и в её глазах было что-то похожее на страх и любопытство одновременно.

— В моё время, — сказала она тихо, — на рынке было шумно, тесно и пахло специями и потом. А здесь... — она вдохнула прохладный воздух, — здесь пахнет цветами, и всё так разложено, словно это не товар, а сокровища.

К ним подошли двое молодых людей с телефонами в руках, и их лица загорелись тем самым восторгом, который Джанан уже видела на улице.

— Простите, — сказал один из них, — вы же те самые султан Мурад и Кёсем-султан из сериала? Можно с вами сфотографироваться?

Мурад напрягся, и его лицо стало жёстким, и он уже открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но Джанан поспешила вмешаться.

— Простите, — сказала она, улыбаясь им, — мы очень спешим. У нас дела. В другой раз.

Она быстро повела Мурада и Кёсем в сторону, и они прошли мимо фанатов, и те не стали их догонять. Мурад шёл, не оглядываясь, и его плечи были напряжены.

— Я не привык убегать от людей, — сказал он тихо. — В моё время я выходил к ним, и они расступались передо мной. А здесь я должен прятаться, как вор.

— Ты не прячешься, — ответила Джанан. — Ты просто не хочешь тратить время на разговоры с незнакомцами. Это не трусость, это разум.

Они вошли в отдел мужской одежды, и Мурад остановился перед стойкой с джинсами, и его лицо стало таким, словно он увидел перед собой нечто необъяснимое.

— Что это за штаны? — спросил он. — Они такие узкие, что в них нельзя даже сесть на коня. И что это за металлические зубы на них?

— Это молния, — сказала Джанан, едва сдерживая улыбку. — Она нужна, чтобы застёгивать штаны. А это джинсы. Они удобные. В них можно ходить, сидеть, даже бегать.

Мурад взял джинсы в руки и посмотрел на них с таким выражением, словно держал в руках орудие пытки.

— В моё время, — сказал он, — штаны шили из шерсти и льна, и они были широкими, чтобы в них можно было ездить верхом и сражаться. А это... — он потянул ткань, и она растянулась, — это что, кожа какого-то морского зверя?

— Это хлопок, — ответила Джанан. — Ткань, которую делают из растения. Она мягкая и прочная.

Мурад покачал головой, но всё же позволил Джанан выбрать для него несколько пар. Потом они перешли к рубашкам, и здесь его ждало новое потрясение.

— Почему у них нет воротника? — спросил он, поднимая простую футболку. — И почему они такие короткие? В моё время рубашка доходила до колен, и её подпоясывали кушаком. А это... — он посмотрел на футболку, — это же почти что ничего.

— Это футболка, — сказала Джанан. — Её носят летом, когда жарко. Она лёгкая и не мешает двигаться.

Мурад посмотрел на неё недоумённым взглядом.

— Я не понимаю, как в этом можно чувствовать себя султаном, — сказал он. — В моё время одежда говорила о власти. А эта одежда говорит только о том, что человеку жарко.

— Здесь о власти говорит не одежда, а поступки, — ответила Джанан. — И потом, ты ведь не собираешься править этим миром. Ты собираешься жить в нём. А для жизни удобнее носить то, что не мешает.

Мурад вздохнул и сдался, и Джанан выбрала для него несколько футболок, лёгкую рубашку, джинсы и удобные кроссовки. Когда он примерил всё это в примерочной и вышел оттуда, он посмотрел на своё отражение в зеркале и нахмурился.

— Я выгляжу, как простолюдин, — сказал он. — Как человек, у которого нет ни рода, ни имени.

— Ты выглядишь, как человек двадцать первого века, — сказала Джанан. — И поверь мне, это не так уж плохо. Теперь ты не будешь так сильно привлекать к себе внимание, и мы сможем спокойно ходить по городу.

Кёсем тем временем стояла у стойки с женской одеждой, и её лицо было растерянным.

— Здесь столько всего, — сказала она. — Платья, брюки, юбки, какие-то короткие кофточки. Я не знаю, что выбрать. В моё время женщина носила шаровары, рубаху, платье и кафтан, и этого было достаточно. А здесь... — она обвела рукой ряды одежды, — здесь можно сойти с ума.

Джанан подошла к ней и взяла её за руку.

— Давайте я помогу вам выбрать, — сказала она. — Вот это длинное платье. Оно закрывает руки и ноги, и в нём вам будет удобно. А вот это брюки. Они широкие, как шаровары, и в них можно ходить, не боясь, что кто-то увидит лишнее.

Кёсем взяла платье и посмотрела на него с сомнением.

— Оно слишком лёгкое, — сказала она. — В моё время платье было плотным, и под ним носили несколько слоёв белья. А это... — она потянула ткань, — это почти что ничего не значит.

— Здесь так принято, — сказала Джанан. — Лето, жарко. В плотной одежде вы просто задохнётесь. Вы уже вспотели.

Кёсем вздохнула и позволила Джанан выбрать для неё несколько вещей. Она ушла в примерочную и вышла оттуда в длинном платье, и её лицо было таким, словно она только что совершила что-то непристойное.

— Я чувствую себя голой, — сказала она. — Словно все смотрят на меня и видят то, чего не должны видеть.

— На вас смотрят только потому, что вы красивы, — сказала Джанан. — И потому, что вы всё ещё держитесь так, словно сидите на троне. Но поверьте мне, никто не думает о вас плохо. Здесь так ходят все.

Кёсем посмотрела на своё отражение в зеркале и медленно повернулась, и её лицо постепенно менялось.

— А знаешь, — сказала она задумчиво, — это не так уж и неудобно. И ткань приятная. И дышится легко.

— Вот видите, — сказала Джанан и улыбнулась. — Всё не так страшно, как кажется.

Они подошли к кассе, и Джанан расплатилась за одежду, и Мурад с Кёсем смотрели на неё с таким выражением, словно она творила чудо.

— Ты заплатила маленькой карточкой? — спросил Мурад. — И этого хватило, чтобы купить всё это?

— Да, — ответила Джанан. — В этом мире деньги хранятся не только в сундуках, но и в таких карточках. Это удобно, потому что не нужно носить с собой мешки с золотом.

Мурад покачал головой.

— В моё время, — сказал он, — чтобы купить такое количество одежды, нужно было бы позвать казначея, который отвесил бы серебро и записал всё в книгу. А здесь... — он посмотрел на карточку в руках Джанан, — здесь всё делается в одно мгновение.

Они вышли из магазина, и Мурад нёс пакеты с той одеждой, которую они носили во времена 17 века в Османской империи, а Кёсем держала Мехмеда, который спал, не подозревая, что его отец только что пережил великое потрясение. На улице их снова узнали, и кто-то опять закричал: «Султан Мурад!», но Джанан быстро повела их дальше, и они прошли мимо, не останавливаясь.

— Я никогда не думал, что буду убегать от людей, которые хотят меня видеть, — сказал Мурад тихо. — В моё время я выходил к ним, и они склонялись передо мной. А здесь они кричат моё имя так, словно я их сосед, который забыл вернуть долг.

— Они не хотят вас обидеть, — сказала Джанан. — Они просто не понимают, кто вы. Для них вы — герой истории, которую они видели по телевизору. Они не знают, что вы настоящий.

Мурад молчал, и его лицо было задумчивым. Потом он сказал:

— Когда-нибудь я объясню им, кто я на самом деле. Но не сейчас. Сейчас у нас есть дела поважнее.

Они пошли дальше по улице, и впереди их ждали обмен золота, документы и дорога в Россию, и Джанан знала, что впереди ещё много трудностей, но она также знала, что они справятся. Потому что они вместе. Потому что они семья. И потому что они уже пережили то, что не пережил бы никто другой.

Глава 5. Обмен золотых монет

Банк они нашли на той же улице, в двух кварталах от торгового центра. Это было высокое здание из стекла, с блестящими дверями и вывеской, на которой крупными буквами было написано название. Мурад остановился перед входом и посмотрел на здание так, словно перед ним стояла крепость.

— Это что за дом? — спросил он. — Он больше, чем некоторые дворцы, которые я видел. И двери у него прозрачные, словно хозяева не боятся, что кто-то войдёт без приглашения.

— Это банк, — ответила Джанан. — Здесь хранят деньги, обменивают валюту и выдают ссуды. Здесь же можно обменять золото на здешние деньги.

— В моё время, — сказал Мурад задумчиво, — казна хранилась во дворце, и доступ к ней имели только султан и казначей. А здесь любой человек может войти в такой дом и попросить денег?

— Не попросить, а обменять или взять в долг, — уточнила Джанан. — Но для этого нужны документы. А у нас их пока нет. Поэтому я не уверена, что у нас получится.

Кёсем поправила на плече шаль, которую она так и не сняла, и посмотрела на банк с подозрением.

— В моё время, — сказала она, — если человек приходил к меняле с золотом, тот взвешивал его, проверял пробу и отсчитывал серебро. Всё это происходило на рынке, при людях, и никто не требовал бумаг. А здесь, выходит, нужно сначала доказать, что ты человек, а потом уже обменять своё золото?

— Именно так, — ответила Джанан. — Но давайте попробуем. Может быть, нам повезёт.

Они вошли внутрь, и Мурад сразу остановился, потому что перед ними стояла длинная очередь людей, которые сидели на стульях и ждали своей очереди. На стене висело табло с номерами, и время от времени раздавался тихий звон, и кто-то вставал и шёл к окну.

— Что это за люди? — спросил Мурад. — Почему они сидят и ждут? Почему их не пускают сразу?

— Здесь так принято, — объяснила Джанан. — Каждый человек получает номер и ждёт, пока его позовут. Это чтобы не было толпы и давки.

Мурад посмотрел на табло, на стулья, на людей с телефонами в руках, и его лицо стало таким, словно он увидел перед собой нечто необъяснимое.

— В моё время, — сказал он тихо, — человек приходил к визирю и ждал, пока его позовут. Но он стоял и он знал, что он ждёт милости. А здесь... — он обвёл рукой зал, — здесь все сидят так, словно они равны хозяину этого дома.

— Здесь все и есть равны, — сказала Джанан. — По крайней мере, так считается.

Мурад ничего не ответил, но было видно, что эти слова дались ему нелегко.

Они взяли номер и сели на свободные стулья, и Кёсем поставила сундук у своих ног и положила на него руку, словно боялась, что кто-то его украдёт. Мехмед спал у неё на руках, и его дыхание было ровным и спокойным.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут на табло загорелся их номер, и Джанан поднялась и повела их к окну, за которым сидела женщина в строгом костюме, с аккуратной причёской и усталыми глазами.

— Добрый день, — сказала Джанан. — Мы хотели бы обменять золото на лиры.

Женщина подняла глаза и посмотрела на них, и её взгляд задержался на сундуке, который Мурад поставил на стойку.

— Золото? — переспросила она. — В каком виде? У вас есть слитки или монеты?

— Монеты, — ответила Джанан. — В сундуке.

Мурад открыл крышку, и женщина заглянула внутрь, и её лицо медленно изменилось. Она смотрела на монеты долгим, тяжёлым взглядом, а потом подняла глаза на Джанан.

— Откуда это у вас? — спросила она, и в её голосе появилась та самая настороженность, которую Джанан уже слышала в отеле.

Джанан на мгновение замялась, но потом вспомнила историю, которую придумала ещё по дороге.

— Это наследство, — сказала она спокойно. — Мой прадед был коллекционером. Он собирал старинные монеты всю жизнь, и когда он умер, он оставил их нам. Мы долго не решались их продать, но сейчас у нас трудная ситуация, и мы хотим обменять их на деньги.

Женщина посмотрела на неё с сомнением.

— Это османские монеты, — сказала она. — Очень старые. Я не могу принять их по весу, как обычное золото. Мне нужно вызвать оценщика, который определит их стоимость.

— Хорошо, — сказала Джанан. — Мы подождём.

Женщина подняла трубку телефона и что-то тихо сказала, и через несколько минут к ним подошёл мужчина в очках, с папкой в руках. Он открыл сундук и заглянул внутрь, и его лицо тоже изменилось.

— Это не просто золото, — сказал он, и в его голосе послышалось что-то похожее на восхищение. — Это монеты султана Мурада Четвёртого. Они очень редкие. Некоторые из них стоят гораздо больше, чем их вес в золоте.

Мурад услышал своё имя и напрягся, но Джанан быстро коснулась его руки, и он остался стоять молча.

— Это хорошо или плохо? — спросила она.

— Это хорошо, — ответил оценщик. — Но это значит, что мы не можем просто взвесить их и выдать вам деньги. Нам нужно провести экспертизу, определить подлинность и состояние каждой монеты. Это займёт время.

— Сколько времени? — спросила Джанан.

— Несколько дней, — ответил оценщик. — Может быть, неделю.

Мурад нахмурился и посмотрел на Джанан, и в его глазах было что-то похожее на гнев.

— Несколько дней? — переспросил он, и его голос стал жёстким. — В моё время, чтобы обменять золото, нужно было несколько минут. А здесь человек должен ждать неделю, чтобы получить свои же деньги?

Оценщик посмотрел на него с удивлением, но не обиделся.

— Такова процедура, — сказал он. — Мы не можем рисковать. Если монеты окажутся поддельными, банк понесёт убытки.

— Поддельными? — произнёс Мурад, и его голос дрогнул от возмущения. — Эти монеты чеканили по моему... — он запнулся, потому что едва не сказал «по моему приказу», и Джанан поспешила вмешаться.

— Мой муж хочет сказать, — сказала она, — что эти монеты очень дороги для нашей семьи, и мы не хотим, чтобы с ними обращались небрежно. Нам срочно нужны деньги, потому что сейчас мы без средств.

Оценщик кивнул и посмотрел на сундук.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — Мы не можем принять сундук целиком. Нам нужно пересчитать монеты, описать каждую и оставить их на хранение до окончания экспертизы. Мы выдадим вам расписку, и когда экспертиза закончится, вы получите деньги.

Мурад посмотрел на сундук, и его лицо стало таким, словно у него отнимали что-то очень дорогое.

— Вы хотите забрать моё золото и оставить мне бумагу? — спросил он, и в его голосе была та самая сталь, которая когда-то заставляла визирей бледнеть. — В моё время за такое человека называли вором.

— Мой падишах, — сказала Джанан тихо, но твёрдо, — здесь так принято. Бумага — это не просто бумага. Это обещание, что вам вернут всё, что принадлежит вам. Если они не вернут, мы сможем обратиться к закону, и их накажут.

Мурад молчал, и его руки сжались в кулаки. Потом он медленно выдохнул и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но я хочу, чтобы в бумаге было записано всё до последней монеты. Если хоть одна пропадёт, я найду того, кто её взял, и тогда никакой закон его не спасёт.

Оценщик посмотрел на него с удивлением, но кивнул и начал пересчитывать монеты, и это заняло почти час. Мурад стоял рядом и наблюдал за каждым его движением, и его взгляд был таким тяжёлым, что оценщик несколько раз нервно оглядывался.

Кёсем тем временем сидела на стуле и держала Мехмеда на руках, и её лицо было спокойным, но в глазах было что-то похожее на усталость.

— В моё время, — сказала она тихо, обращаясь к Джанан, — когда я приходила в фонд и раздавала еду бедным, люди не требовали у меня бумаг. Они просто брали то, что я давала, и благодарили меня. А здесь... — она посмотрела на оценщика, который пересчитывал монеты, — здесь всё нужно доказывать. Словно никто никому не верит.

— Здесь не верят на слово, — ответила Джанан. — Здесь верят бумагам и печатям. Но это не потому, что люди злые. Это потому, что так проще жить, когда все знают правила.

Наконец оценщик закончил и написал расписку, и Джанан прочитала её внимательно и передала Мураду, который посмотрел на неё так, словно видел перед собой фирман, подписанный чужим султаном.

— Здесь написано, что они обязуются выплатить нам деньги после экспертизы, — сказала Джанан. — Мы можем прийти через неделю и забрать их.

Мурад взял расписку и спрятал её за пазуху, и его лицо было задумчивым.

— В моё время, — сказал он, — я бы не доверил своё золото никому, кроме казначея, которого знал лично. А здесь я оставляю его людям, которых вижу впервые в жизни, и у меня нет никакой уверенности, что они вернут его.

— Они вернут, — сказала Джанан. — Я обещаю. А если не вернут, я найду способ заставить их вернуть. Нам хватит моих сбережений на несколько дней.

Они вышли из банка, и солнце снова ударило им в лицо, и Мурад на мгновение зажмурился. Кёсем поправила шаль и посмотрела на улицу, и в её глазах было что-то похожее на облегчение.

— Ну что ж, — сказала Джанан и выдохнула, словно с её плеч свалился тяжёлый груз. — С золотом мы разобрались. Мы его заберём. Осталось ещё одно важное дело — документы.

— Документы, — повторил Мурад. — Те самые бумаги, без которых человек в этом мире не может ни жить, ни ездить, ни даже войти в дом?

— Да, — ответила Джанан. — Без них мы не сможем улететь в Россию. И без них мы не сможем снять жильё. Нам нужно найти человека, который поможет их сделать.

Кёсем нахмурилась.

— А кто может сделать такие бумаги? — спросила она. — В моё время грамоты выдавали кадии и визири. А здесь кто?

— Здесь есть специальные учреждения, — сказала Джанан. — Они называются миграционными службами. Но туда лучше приходить с готовыми документами, которых у нас нет. Поэтому сначала нам нужно найти юриста, который поможет разобраться.

Она посмотрела на них, и в её глазах была и решимость, и усталость.

— Идёмте, — сказала она. — У нас ещё много дел, и день только начинается.

Глава 6. Бумаги, которых нет

Юриста они нашли в небольшой конторе на тихой улице, в стороне от шумных проспектов. На двери висела табличка с именем, а внутри за столом сидел мужчина лет пятидесяти, с серьёзным лицом и аккуратной бородой, и перед ним лежала стопка бумаг, которую он перебирал с таким видом, словно она была его единственным собеседником.

— Добрый день, — сказала Джанан, входя первой. — Нам нужна помощь с документами.

Мужчина поднял глаза и посмотрел на них поверх очков, и его взгляд задержался на Мураде, на Кёсем с ребёнком на руках, на их одежде, которая была новой, но сидела на них как-то непривычно, словно они только что надели её впервые в жизни.

— Присаживайтесь, — сказал он и указал на стулья. — Меня зовут Ахмет. Расскажите, что случилось.

Джанан села первой, и Мурад и Кёсем сели рядом, и Кёсем посадила Мехмеда на колени и начала его укачивать, хотя он и не плакал. На этот раз Джанан решила сказать, что они её родственники. Она не стала говорить, что это просто знакомые, как сказала тогда в отеле.

— Мои родственники потеряли документы, — произнесла Джанан. — Все документы. Паспорта, свидетельства о рождении, всё. Они граждане Турции, но сейчас у них нет ни одной бумаги, которая бы это подтверждала.

Ахмет медленно отложил бумаги и посмотрел на неё внимательно.

— Потеряли все документы? — переспросил он. — Это серьёзно. Вы обращались в полицию? Подавали заявление об утере?

Джанан на мгновение замялась, но потом кивнула.

— Обращались, — сказала она. — Но понимаете, они жили в глухой деревне, далеко от больших городов. Там не было ни полиции, ни нормального учёта. Они приехали в Стамбул, чтобы начать новую жизнь, и по дороге потеряли всё, что у них было.

Ахмет нахмурился и постучал ручкой по столу.

— В глухой деревне, говорите, — произнёс он задумчиво. — Это усложняет дело. В Турции все граждане зарегистрированы в единой системе, но, если человек родился в месте, где регистрация не велась или велась плохо, восстановить документы сложнее. Вам нужно будет доказать, что они действительно те, за кого себя выдают.

— И как мы можем это доказать? — спросила Джанан.

— Свидетели, — ответил Ахмет. — Люди, которые знали их раньше и могут подтвердить их личность. Есть у вас такие?

Джанан посмотрела на Мурада и Кёсем, и в её глазах была растерянность. Мурад смотрел на неё в ответ, и его лицо было напряжённым.

— У нас никого нет, — сказала Джанан тихо. — Мы приехали в Стамбул недавно. У нас здесь нет знакомых, которые могли бы подтвердить, кто они.

Ахмет покачал головой.

— Тогда это будет очень трудно, — сказал он. — Без свидетелей и без документов суд может отказать. Нужны хоть какие-то доказательства: старые фотографии, письма, хоть что-нибудь, что связывает их с их прошлым.

Мурад слушал этот разговор и чувствовал, как внутри него поднимается гнев, но он сдерживал его, потому что понимал, что здесь, в этом мире, его гнев ничего не решает.

— В моё время, — сказал он тихо, обращаясь к Джанан, — у человека было имя и слово, и этого было достаточно. А здесь, выходит, без бумаги ты никто? Даже если ты султан?

Джанан быстро коснулась его руки, и он замолчал, но его глаза всё ещё горели тем самым огнём, который она видела в моменты опасности.

Ахмет тем временем продолжал писать в блокноте, и его лицо было задумчивым.

— Нужно подать заявление, доказать, что человек родился в Турции, и получить решение суда. Но для этого нужны хоть какие-то доказательства. Без них суд не сможет принять решение.

— А если мы найдём свидетелей позже? — спросила Джанан. — Если мы сначала подадим заявление, а потом найдём людей, которые смогут подтвердить их личность?

Ахмет покачал головой.

— Суд не будет ждать, — сказал он. — Он рассмотрит дело в назначенный срок и вынесет решение на основании того, что есть. Если доказательств не будет, дело закроют.

— Сколько это будет стоить? — спросила Джанан.

Ахмет назвал сумму, и Джанан почувствовала, как внутри всё напрягается. Она посмотрела в свой телефон, где хранились сбережения, и поняла, что денег, которые у неё остались, хватит только на еду и жильё для них четверых на два-три дня. На юриста и на судебные расходы их не хватало.

— Это... дорого, — сказала она тихо. — У нас сейчас нет таких денег. Но у нас есть золото, которое мы обмениваем. Как только его обменяют, мы сможем заплатить.

Ахмет покачал головой.

— Я не могу работать в долг, — сказал он. — Мне нужно оплатить свои расходы, заплатить за бумаги, за подачу заявления. Если у вас нет денег сейчас, я не смогу начать этот процесс.

Мурад слушал этот разговор и чувствовал, как внутри него поднимается гнев, но он сдерживал его, потому что понимал, что сейчас этот гнев ничего не изменит.

— В моё время, — сказал он тихо, обращаясь к Джанан, — когда человек приходил к визирю с прошением, визирь выслушивал его и решал, достоин ли он помощи. А здесь всё решают деньги. Это... — он запнулся, подбирая слова, — это несправедливо.

— Здесь так устроено, — ответила Джанан. — И мы должны с этим считаться.

Она вышла из конторы и прислонилась к стене, и её руки дрожали. Кёсем вышла следом и встала рядом, и её лицо было спокойным, но в глазах была тревога.

— Что теперь? — спросила она. — У нас нет денег на юриста. Как мы получим документы?

Джанан молчала, и в её голове проносились мысли. Она думала о золоте, которое лежало в банке и ждало экспертизы. Она думала о своих сбережениях сейчас, которых почти не осталось. И она думала о родителях, у которых дома, в России, лежали её накопления.

— У меня есть идея, — сказала она наконец. — Я позвоню своим родителям.

Она достала телефон и отошла в сторону, и Мурад с Кёсем смотрели на неё с недоумением.

— Зачем она звонит родителям? — спросил Мурад тихо.

— Не знаю, — ответила Кёсем. — Но, наверное, у неё есть причина.

Джанан набрала номер, и гудки тянулись долго, и её сердце билось всё чаще. Потом на другом конце провода раздался голос её матери, и в этом голосе была и радость, и тревога.

— Яна? — сказала она. — Яна, это ты? Что случилось? Почему ты звонишь?

— Мама, — сказала Джанан, и она постаралась, чтобы её голос звучал спокойно. — Всё хорошо. Я просто хотела попросить тебя кое о чём.

— Конечно, — сказала её мать. — Говори.

— У меня дома, в моей комнате, в верхнем ящике комода, лежат деньги, — сказала Джанан. — Рубли. Наличные. Ты не могла бы взять их, положить на карту и перевести мне?

Тишина на другом конце провода стала тяжёлой.

— Яна, — сказала её мать медленно, — ты в порядке? Ты не попала в беду?

— Я в порядке, мама, — ответила Джанан. — Я просто... я решила сходить на дополнительные экскурсии. А они стоят дорого. И у меня не хватает наличных.

— На экскурсии? — переспросила её мать, и в её голосе послышалось сомнение. — Ты звонишь мне из Стамбула, чтобы попросить деньги на экскурсии? Яна, это на тебя не похоже. Ты всегда брала с собой деньги с запасом. Ты уже всё потратила? Деньги, которые у тебя тут лежат, ты же откладываешь?

— Мама, — сказала Джанан, и она почувствовала, как к горлу подступает комок, — я просто хочу увидеть больше. Пока я здесь, я хочу увидеть всё, что можно. Пожалуйста. А деньги я потом снова заработаю.

Её мать помолчала, а потом вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я возьму деньги, схожу в банкомат и переведу их тебе. Но, Яна, если что-то не так, если тебе нужна помощь, ты должна мне сказать.

— Всё хорошо, мама, — ответила Джанан. — Правда.

Она положила трубку и постояла немного, глядя в телефон, и на её глаза навернулись слёзы, которые блестели в глазах. Потом она вернулась к Мураду и Кёсем и улыбнулась, хотя улыбка вышла немного кривой.

— Родители переведут мне мои деньги, которые находятся дома. — сказала она. — Через несколько минут они будут на моей карте. Мы сможем решить эти вопросы с документами.

Мурад смотрел на неё пронзительным взглядом, и в его глазах было что-то похожее на недовольство.

— Ты звонила родителям, чтобы они отправили тебе твои деньги, чтобы потом ты заплатила за всё? — спросил он. — В моё время мужчина, который позволял жене платить, считался слабым. Я не хочу, чтобы ты платила за нас.

— Мой падишах, — сказала Джанан спокойно, но твёрдо, — я понимаю твою гордость, и я её уважаю. Но сейчас у нас нет выбора. Как только золото обменяют, ты сможешь распоряжаться этими деньгами так, как хочешь. Ты вернёшь мне всё, что я потратила, и даже больше. А пока позволь мне сделать то, что нужно, чтобы мы могли двигаться дальше.

Мурад молчал, и его лицо было задумчивым. Потом он медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но я не забуду этого. И когда золото обменяют, оно будет нашим. Ты сможешь тратить эти деньги на всё, что ты только пожелаешь.

— Я не сомневаюсь, — ответила Джанан.

Через несколько минут на её телефон пришло уведомление о переводе, и она посмотрела на сумму, и её плечи немного расслабились. Денег хватало на юриста и на первые расходы по документам.

Они вернулись в контору, и Ахмет посмотрел на них с удивлением, когда Джанан положила на стол деньги.

— Я могу заплатить сейчас, — сказала она. — Начните, пожалуйста, процедуру.

Ахмет кивнул и начал заполнять бумаги, и это заняло почти час. Он задавал вопросы, на которые Джанан отвечала, а Мурад и Кёсем молчали, потому что не знали, что сказать. Ахмет несколько раз посмотрел на Мурада с недоумением, словно чувствовал, что перед ним не простой человек, но не решался спросить.

— Всё, — сказал он наконец и отложил ручку. — Я подам заявление в суд о восстановлении гражданства. Но вам нужно будет прийти в миграционную службу и пройти проверку. Это может занять несколько дней.

— Мы готовы, — сказала Джанан.

Они вышли из конторы, и солнце уже клонилось к западу, и улица была наполнена людьми, которые спешили по своим делам. Мурад шёл рядом с Джанан, и его лицо было задумчивым.

— В моё время, — сказал он тихо, — чтобы получить грамоту, нужно было пойти к писцу, потом к кадию, потом к визирю. И на всё это уходили недели. А здесь... — он покачал головой, — здесь всё делается быстрее, но и сложнее. Словно каждый шаг требует бумаги, печати и денег.

— Здесь всё так устроено, — ответила Джанан. — Это может показаться странным, но вы скоро ко всему привыкнете. Вначале это кажется непонятным, однако всё уже решается. Скоро мы сможем почувствовать себя спокойно.

Кёсем поправила шаль и посмотрела на неё с тревогой.

— А что, если они не поверят нам? — спросила она. — Что, если они решат, что мы самозванцы, и откажутся делать документы?

— Тогда мы найдём другой способ, — сказала Джанан. — Но я думаю, что всё получится. У нас есть деньги, у нас есть юрист, и у нас есть правда на нашей стороне. А правда, даже в этом мире, чего-то да стоит.

Они пошли дальше по улице, и впереди их ждала миграционная служба, и Джанан знала, что там их ждут новые трудности, но она также знала, что они справятся. Потому что они вместе. Потому что они семья. И потому что они уже пережили то, что не пережил бы никто другой.

Глава 7. Миграционная служба

Миграционная служба находилась в большом сером здании на окраине района Фатих, и когда они подошли к нему, Мурад остановился и посмотрел на очередь, которая тянулась от дверей до самых ворот.

— Что это за люди? — спросил он тихо. — Почему их так много? Они все пришли сюда за бумагами?

— Да, — ответила Джанан. — Здесь каждый день сотни людей приходят, чтобы оформить документы, продлить визу, получить разрешение на жительство. Это долгая и утомительная процедура.

Кёсем поправила на руках Мехмеда, который спал, укрытый лёгким одеялом, и посмотрела на очередь с тревогой.

— У нас во дворце, чтобы попасть к визирю, люди стояли во дворе часами, а то и днями, — сказала она. — Неужели и здесь то же самое?

— Здесь немного иначе, — ответила Джанан. — Люди получают номер и ждут, когда их вызовут. Но очередь может тянуться несколько часов.

Мурад нахмурился и посмотрел на здание, на людей, на охрану у входа, и его лицо стало жёстким.

— Когда султан приходил в какое-то место, все расступались перед ним, — сказал он. — А здесь мы стоим в очереди, как простолюдины, и ждём, когда какой-то писарь соизволит нас принять.

— Мой падишах, — сказала Джанан тихо, но твёрдо, — здесь ты не султан. Здесь ты человек без документов, который просит о помощи. И если мы хотим получить эти документы, мы должны соблюдать правила. Но для меня ты султан и всегда будешь им.

Мурад молчал, и было видно, что он не может принять, что он не султан больше в этом мире. Потом он тяжело вздохнул и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Веди нас. Но я не обещаю, что буду стоять в очереди молча.

Они вошли в здание, и внутри было прохладно и шумно. Люди сидели на стульях, стояли у окон, держали в руках папки с бумагами, и в воздухе висел запах пота, бумаги и чего-то ещё, что Джанан не могла определить. На стене висело табло с номерами, и время от времени раздавался тихий звон, и кто-то вставал и шёл к окну.

Джанан взяла номер и повела их к свободным стульям, и они сели, и Кёсем устроила Мехмеда поудобнее на своих коленях, и Мурад сложил руки на груди и стал смотреть на людей вокруг.

Прошло почти два часа, прежде чем на табло загорелся их номер. Джанан поднялась и повела их к окну, за которым сидела женщина в форме, с сосредоточенным взглядом и папкой в руках.

— Добрый день, — сказала Джанан. — Мы пришли по вопросу восстановления документов. Наш юрист, Ахмет, подал заявление.

Женщина кивнула и застучала по клавиатуре.

— Назовите имена.

Джанан назвала имена Мурада и Кёсем, и женщина ввела их в систему, и её лицо стало задумчивым.

— Я вижу заявление, — сказала она. — Но здесь нет подтверждения личности. Без документов и без свидетелей я не могу продвинуть дело дальше.

— Мы знаем, — сказала Джанан. — Но мы надеялись, что вы сможете подсказать, что нам делать. Мы готовы предоставить всё, что нужно.

Женщина посмотрела на неё долгим взглядом, а потом перевела глаза на Мурада, который стоял рядом, и её взгляд задержался на его лице.

— Скажите, — произнесла она, — у вас есть хоть какие-то документы? Хоть что-нибудь, что могло бы подтвердить вашу личность? Старые бумаги, фотографии, письма?

Мурад посмотрел на неё с недоумением.

— У нас при дворе документы были у визирей и кадиев, а у простых людей их не было вовсе, — сказал он. — Человека знали по имени и по лицу, и этого было достаточно.

Женщина подняла бровь.

— В наше время без документов человек не может ни жить, ни работать, ни путешествовать, — сказала она. — Это закон.

Мурад хотел что-то сказать, но Джанан посмотрела на него так, что он понял, что не надо ничего говорить.

— Мы понимаем, — сказала Джанан. — И мы готовы сделать всё, что нужно. Но у нас действительно нет никаких старых бумаг. Они потерялись.

Женщина вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Тогда я могу предложить вам только одно, — сказала она. — Временный документ, который позволит вам находиться в стране, пока суд рассматривает ваше дело. Но для этого нужно пройти процедуру установления личности. Это значит, что вас сфотографируют, возьмут отпечатки пальцев и зададут вопросы.

Если вы сможете убедить сотрудника, что вы те, за кого себя выдаёте, он выдаст заключение, и на его основании вы получите временный документ.

— А если не сможем? — спросила Джанан.

— Тогда дело придётся решать через суд, — ответила женщина. — А это может занять месяцы.

Мурад слушал этот разговор и чувствовал, как внутри него снова поднимается ярость, и он сдерживал эту эмоцию с трудом.

— У нас во дворце, чтобы получить грамоту, нужно было заплатить писцу и найти свидетелей, — сказал он тихо, обращаясь к Джанан. — А здесь нужно, чтобы тебя сфотографировали, как какого-то преступника, и взяли отпечатки пальцев, словно ты вор.

— Мурад, мой любимый муж, — ответила Джанан. — Это не унижение. Это просто процедура. Все проходят через неё.

Женщина за окном тем временем написала что-то на бумаге и протянула её Джанан.

— Вот направление на процедуру, — сказала она. — Идите в кабинет номер двенадцать. Там вас примут.

Они пошли по коридору, и Джанан держала бумагу в руках, и её пальцы дрожали. Мурад шёл рядом, и его лицо было задумчивым, а Кёсем прижимала к груди Мехмеда и смотрела по сторонам с тревогой.

Кабинет номер двенадцать оказался небольшой комнатой, в которой стоял стол, стул и аппарат, похожий на большой ящик с объективом. За столом сидел молодой человек в форме, с добродушным лицом и заинтересованными глазами.

— Присаживайтесь, — сказал он и указал на стулья. — Меня зовут Кемаль. Я буду проводить процедуру установления личности.

Он взял бумагу из рук Джанан и прочитал её, и его лицо стало задумчивым.

— Значит, вы потеряли все документы, — сказал он. — И у вас нет свидетелей, которые могли бы подтвердить вашу личность.

— Да, всё верно, — ответила Джанан. — Но мы готовы ответить на любые вопросы.

Кемаль кивнул и открыл папку.

— Хорошо. Давайте начнём с простого. Назовите ваши полные имена, дату и место рождения.

Мурад посмотрел на Джанан, и в его глазах вспыхнула растерянность. Он не знал, что сказать. Он не знал, какую дату назвать, потому что в его мире летоисчисление было другим.

Джанан быстро вмешалась.

— Это мой муж. Моего мужа зовут Мурад, — сказала она. — Он родился в Стамбуле, в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Его мать, Кёсем, родилась на острове Тинос, в тысяча девятьсот шестидесятом году.

Кемаль записал и перевёл глаза на Мурада.

— Вы можете подтвердить то, что сказала ваша жена? — спросил он.

Мурад молчал, и было видно, что он борется с собой. Потом он медленно кивнул.

— Да, — сказал он тихо. — Я родился в Стамбуле именно в этот год.

Кемаль посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, а потом перевёл глаза на Кёсем.

— А вы? — спросил он. — Вы можете подтвердить своё имя и место рождения?

Кёсем посмотрела на него, и в её глазах была та самая растерянность, которую Джанан видела у неё в первые дни в новом мире.

— Меня зовут Кёсем, — сказала она тихо. — Я родилась на острове Тинос. Да, я родилась в тысяча девятьсот шестидесятом году.

Кемаль нахмурился и отложил ручку.

— Мне нужно, чтобы вы подтвердили свою личность хоть чем-то. Хоть какой-то деталью, которая совпадёт с тем, что есть в системе.

Джанан почувствовала, как к её глазам подступают слёзы, но она не позволила им упасть на её лицо. Она слишком долго училась быть сильной в Топкапы, чтобы теперь, в кабинете миграционной службы, расплакаться. Эти процедуры действительно были сложными, и усталость навалилась на Джанан за это последнее время, что эмоции сдерживать было слишком сложно, но она сдержала их.

— А если мы найдём свидетеля? — спросила она. — Если мы приведём человека, который знал их раньше и может подтвердить их личности?

Кемаль покачал головой.

— Свидетель должен быть гражданином Турции и иметь документы, — сказал он. — И он должен знать их достаточно хорошо, чтобы подтвердить не только имя, но и подробности жизни. Без этого суд не примет его показания.

Мурад слушал этот разговор и чувствовал, как внутри него тоже поднимается усталость от всего происходящего.

— У нас во дворце, чтобы подтвердить личность, достаточно было привести двух свидетелей, которые знали человека с детства, — сказал он тихо, обращаясь к Джанан. — А здесь нужно, чтобы свидетель был гражданином, имел документы и знал все подробности. Это слишком сложно.

— Здесь так устроено, — ответила Джанан. — Надо как-то продержаться и решить эти вопросы.

Кемаль тем временем закрыл папку и посмотрел на них с сочувствием.

— Я могу дать вам временный документ, — сказал он. — Он позволит вам находиться в стране, пока суд рассматривает ваше дело. Но для этого вам нужно будет пройти процедуру фотографирования и снятия отпечатков пальцев. Это обязательное требование.

Мурад напрягся, и его лицо стало жёстким.

— Вы хотите взять у меня отпечатки пальцев? — спросил он, и в его голосе была та самая сталь, которая когда-то заставляла визирей бледнеть. — У нас отпечатки брали только у преступников. Я не преступник.

Кемаль поднял глаза от бумаг и посмотрел на него с недоумением.

— У кого это — у вас? — переспросил он. — В нашей стране отпечатки пальцев берут у всех, кто проходит процедуру установления личности. Это обычная практика. Никто не считает это унижением.

Мурад открыл рот, чтобы ответить, но Джанан поняла, что сейчас он скажет что-то вроде «у нас во дворце» или «при моём дворце», и тогда всё рухнет. Она быстро положила руку ему на плечо и сжала его, и Мурад замолчал, хотя видно было, что молчать в таких ситуациях он не привык.

— Мой муж имеет в виду, — произнесла Джанан, и она улыбнулась Кемалю той самой спокойной улыбкой, которой научилась улыбаться в Топкапы, — что он вырос в очень строгой семье. Его отец был консервативных взглядов и говорил, что отпечатки пальцев — это клеймо, которое ставят только ворам и разбойникам. Он всю жизнь прожил в провинции, где такие порядки казались ему дикостью. Простите его, он не хотел вас обидеть. Просто для него это всё непривычно.

Кемаль посмотрел на неё, потом на Мурада, и в его глазах было что-то похожее на понимание.

— Я слышал о таких семьях. В глухих деревнях можно встретить людей, которые живут по старинке и не доверяют новым порядкам. Это не преступление. Это просто незнание. Но я должен вас предупредить: без этой процедуры я не смогу выдать вам даже временный документ. Таковы наши законы. Все, кто просит убежища или восстановления документов, проходят через данный процесс. Это нужно для того, чтобы убедиться, что вы не совершили преступлений в другой стране.

Мурад молчал, и его руки сжались в кулаки. Потом он медленно выдохнул и кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Делайте то, что должны.

Процедура заняла почти час. Мурада сфотографировали, и он смотрел в объектив с таким лицом, словно его вели на казнь. Кёсем тоже сфотографировали, и она держала Мехмеда на руках, и её лицо было спокойным, но в глазах была усталость. Потом у них взяли отпечатки пальцев, и Мурад смотрел на свои руки так, словно они были чужими.

Кемаль ввёл все данные в систему и выдал им временные документы, и это были небольшие пластиковые карточки с их фотографиями и именами.

— Вот, — сказал он. — Теперь вы можете находиться в стране, пока суд рассматривает ваше дело. Но я предупреждаю вас: это временный документ. Он не даёт права на работу и не заменяет паспорт. Если вы захотите уехать из страны, вам нужно будет сначала получить постоянные документы.

— Мы понимаем, спасибо вам, — сказала Джанан и взяла карточки.

Они вышли из миграционной службы, и солнце уже клонилось к западу, и улица была наполнена людьми, которые спешили по своим делам. Мурад шёл рядом с Джанан, и видно было, что у него в голове много разных мыслей.

Кёсем поправила шаль и посмотрела на них с тревогой.

— А что дальше? — спросила она. — Что мы будем делать теперь, когда у нас есть эти карточки?

— Теперь мы найдём жильё, — сказала Джанан. — И будем ждать, пока суд рассмотрит наше дело. А когда золото обменяют, у нас будут деньги, и мы сможем начать новую жизнь.

Мурад молчал, и его лицо было задумчивым. Потом он посмотрел на Джанан, и в его глазах было что-то похожее на решимость.

— Хорошо, — сказал он. — Мы найдём жильё. И мы будем ждать. Но я не забуду этого дня. И когда-нибудь я найду способ отблагодарить тебя за всё, что ты для нас сделала.

Джанан улыбнулась и сжала его руку в ответ крепко.

— Ты уже отблагодарил меня, — сказала она. — Тем, что ты здесь. Тем, что ты рядом. Тем, что ты жив.

Они пошли дальше по улице, и впереди их ждал новый дом, новая жизнь и новые трудности, но Джанан знала, что они справятся.

Глава 8. Крыша над головой

После миграционной службы они прошли ещё несколько кварталов, и Джанан свернула в небольшой парк, спрятанный между высокими домами. Здесь было тихо и прохладно, в тени деревьев журчал фонтан, и на дорожках сидели люди, которые читали книги или просто отдыхали. Джанан выбрала скамейку в тени, и они сели, и Кёсем устроила Мехмеда на коленях, и он сразу уснул, словно чувствовал, что теперь можно отдохнуть.

Мурад обвёл взглядом парк, деревья, фонтан, людей, и его лицо стало задумчивым.

— Это место похоже на сады Топкапы, — сказал он тихо. — Здесь тоже есть деревья, вода и тень. Только в наших садах гуляли павлины, а здесь я вижу птиц, которых не знаю.

— Это голуби и воробьи, — ответила Джанан. — Они живут в городах, и люди их подкармливают. В Турции сами павлины не живут, зато есть много других птиц.

Она достала телефон и открыла приложение, в котором можно было искать жильё.

— Нам нужно найти дом, — сказала она, и её пальцы забегали по экрану. — Я вижу несколько вариантов. Сейчас я начну обзванивать хозяев.

Первые три звонка закончились ничем. Хозяин первой квартиры сказал, что места уже заняты и что он не может принять новых жильцов. Хозяйка второй квартиры долго расспрашивала Джанан о документах, и когда услышала, что у них только временные карточки, отказалась наотрез.

— Без настоящих документов я не могу вас пустить, — сказала она. — Я тут живу с мужем и детьми, и если муж увидит, что у вас только временные карточки, то он заподозрит что-то неладное и разозлится.

Третий хозяин, молодой мужчина с усталым голосом, сказал, что у него есть свободная комната, но он не сдаёт её людям без постоянной регистрации.

Джанан положила трубку и вздохнула, и её плечи опустились.

— Пока ничего не выходит, — сказала она. — Все требуют настоящие документы.

Кёсем посмотрела на неё с беспокойством во взгляде.

— А что, если мы нигде не найдём жильё? — спросила она. — Что, если нам придётся ночевать на улице, как беднякам, которые не имеют крова?

— Не придётся, — сказала Джанан. — Мы продолжим искать. Кто-нибудь обязательно согласится.

Она набрала ещё один номер, и на этот раз на другом конце провода раздался женский голос, мягкий и немного хриплый, словно его обладательница много курила или часто пела.

— Слушаю вас, — сказала женщина.

— Добрый день, — начала Джанан. — Я звоню по объявлению. Вы сдаёте комнату?

— Сдаю, — ответила женщина. — А кто будет жить?

Джанан объяснила, что с ней будут муж, его мать и их маленький ребёнок, и что у них временные документы, и что они ищут жильё на несколько дней, пока суд не рассмотрит их дело. Женщина слушала молча, и когда Джанан закончила, она помолчала немного, а потом сказала:

— Знаете, у меня самой когда-то не было документов. Я приехала в Стамбул из деревни, и у меня не было ни регистрации, ни денег. Мне помогли добрые люди, и я не забыла этого. Приезжайте. Я посмотрю на вас и решу.

Она назвала адрес, и Джанан записала его, и её лицо загорелось надеждой.

— Она согласилась, — сказала она, поднимаясь со скамейки. — Она сказала, что посмотрит на нас и решит. Это уже больше, чем мы имеем.

Мурад тоже поднялся и задумался.

— Она сказала, что сама когда-то была без документов, — произнёс он. — Значит, она понимает, каково это — быть в чужом месте без бумаг. Может быть, она не будет смотреть на нас свысока.

Они вышли из парка и поймали такси, и когда сели в машину, таксист обернулся и посмотрел на них с любопытством. Это был пожилой мужчина с седыми усами и добрыми гла-

зами, и он сразу заметил, что его пассажиры какие-то необычные, и что женщина с ребёнком держится так, словно привыкла к другому обращению.

— Куда едем? — спросил он.

Джанан назвала адрес, и таксист кивнул и тронул машину с места.

Мурад и Кёсем сидели на заднем сиденье, и Кёсем держала Мехмеда на руках, и сначала они молчали, а потом начали общаться между собой и Мурад сказал:

— Этот город стал слишком большим. В моё время Стамбул был окружён стенами, и всё было внутри них. А теперь он растянулся так далеко, что я не вижу, где заканчиваются его улицы.

— Здесь всё иначе, — ответила Кёсем. — И люди иначе одеваются, и дома иначе строят. Но я заметила, что вода в Босфоре всё та же, и чайки кричат так же, как кричали при мне.

Таксист покосился на них в зеркало заднего вида и нахмурился.

— Простите, — сказал он, — я не хочу показаться невежливым, но вы так странно разговариваете. Словно вы не из Стамбула, а откуда-то из глухой провинции, где говорят и живут по-старинке.

Джанан поспешила вмешаться.

— Мы все так разговариваем, — сказала она, и она улыбнулась таксисту той самой спокойной улыбкой, которой научилась в Топкапы. — В нашей семье принято говорить красиво и культурно. Мы считаем, что старинная речь звучит благороднее, чем современная, и поэтому мы стараемся сохранять её.

Таксист рассмеялся, и его смех был громким и добродушным.

— Ну и ну, — сказал он. — Впервые слышу, чтобы люди говорили по-старинному, потому что им так нравится. Но знаете, в этом что-то есть. Когда я слышу старую речь, мне кажется, что я попал в прошлое.

Мурад и Кёсем переглянулись, и было видно, что они едва сдерживаются, чтобы не сказать что-нибудь резкое. Мурад сжал руки в кулаки и отвернулся к окну, а Кёсем прижала Мехмеда к груди и поджала губы.

Джанан заметила это и тихо коснулась руки Мурада, и он немного расслабился.

В этот момент телефон в её руке зазвонил, и на экране появилось имя матери. Джанан ответила, и голос её матери сразу зазвучал в трубке.

— Яна, — сказала она, и в её голосе была тревога. — Яна, всё ли хорошо? Ты где?

— Всё хорошо, мама, — ответила Джанан. — Я на прогулке по Стамбулу.

— На прогулке? — переспросила её мать, и её голос стал строже. — Яна, никаких прогулок по Стамбулу в одиночку. Это большой город, и в нём всякое может случиться. Ты должна быть осторожна.

— Мама, я не одна, — сказала Джанан, и она покосилась на Мурада, и на её лице появилась лёгкая, игривая улыбка, словно всё это было одним сплошным озорным приключением. — Я гуляю рядом с отелем. Здесь много людей, и я не отхожу далеко.

Её мать помолчала, а потом сказала:

— Хорошо. Но, Яна, будь осторожна с незнакомцами. Особенно с турками. Они падки на русских девушек, и я не хочу, чтобы тебя куда-нибудь увезли.

Джанан едва сдержала смех, и её улыбка стала ещё шире.

— Мама, я ни с кем не знакомлюсь тут, — сказала она, и она снова покосилась на Мурада, который смотрел на неё с недоумением. — Я просто гуляю, осматриваю окрестности и дышу воздухом. Не волнуйся, со мной всё хорошо.

Мурад заметил её улыбку и улыбнулся в ответ, и Кёсем тоже улыбнулась, хотя и не понимала, о чём идёт речь. В этот момент в машине стало как-то теплее, словно они все были заговорщиками в одной весёлой игре.

Джанан попрощалась с матерью и положила трубку, и таксист тем временем свернул на тихую улицу и остановился у небольшого двухэтажного дома с зелёным садом перед входом.

— Вот мы и приехали, — сказал он.

Они вышли из машины, и Джанан расплатилась, и таксист уехал, а они остались стоять перед домом, и в этот момент дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина с ребёнком на руках. Ребёнок был маленьким, лет трёх, с тёмными волосами и любопытными глазами, и он смотрел на гостей с удивлением.

— Это вы звонили? — спросила женщина, и её голос был тем самым мягким и хриплым голосом, который Джанан слышала в трубке.

— Да, — ответила Джанан. — Меня зовут Джанан. Это мой муж Мурад, его мать Кёсем и наш сын Мехмед.

Женщина посмотрела на них долгим, изучающим взглядом, а потом протянула руку.

— Меня зовут Фатма, — сказала она. — А это мой внук Мустафа. Проходите, не стойте на пороге.

Она провела их в дом, и внутри было тепло и уютно, и пахло чем-то вкусным, словно хозяйка только что готовила. Фатма попросила их показать документы, и Джанан протянула ей временные карточки, и Фатма долго рассматривала их, а потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Я вижу, что вы не обманщики. Я сама когда-то была в таком положении, и мне помогли добрые люди. Оставайтесь. У меня есть свободная комната на втором этаже. Она небольшая, но в ней есть кровать, стол и окно. А ванная комната внизу, общая.

— Спасибо, — сказала Джанан, и её голос дрогнул. — Вы не представляете, как много это для нас значит.

Фатма улыбнулась и махнула рукой.

— Не благодарите меня, — сказала она. — Я делаю это не ради благодарности. А теперь идёмте на кухню. Я как раз приготовила обед, и вы должны поесть. В дороге вы, наверное, проголодались.

Они сели за стол, и Фатма поставила перед ними тарелки с супом, рисом и тушёным мясом, и хлеб, и оливки, и сыр, и ещё много всего, чего Джанан не ожидала увидеть в таком простом доме. Мустафа сидел рядом с бабушкой и смотрел на гостей широко раскрытыми глазами, и Мехмед, который проснулся, тоже смотрел на него с любопытством.

— Ешьте, — сказала Фатма. — У меня всегда много еды, потому что у меня тут часто гости. Я их всех кормлю так.

Мурад смотрел на неё с удивлением.

— Вы кормите всех, кто приходит? — спросил он. — И не берёте с них денег?

— Беру, если у них есть, — ответила Фатма. — А если нет, то не беру. Я не богата, но у меня есть дом и сад, и я могу прокормить себя и внука. А остальное... — она пожала плечами, — остальное не так важно.

Кёсем слушала этот разговор и чувствовала, как что-то в её груди теплеет.

— Вы делаете то же, что я делала в фонде, — сказала она тихо. — Я кормила бедных и давала им убежище. А здесь... — она обвела рукой стол, — здесь я вижу ту же доброту.

Фатма посмотрела на неё с удивлением.

— Вы работали в фонде? — спросила она.

— Да, — ответила Кёсем. — Я помогала тем, кто не мог помочь себе сам.

Фатма улыбнулась и положила руку на её руку.

— Значит, мы с вами похожи, — сказала она. — Я тоже помогаю тем, кто не может помочь себе сам.

Они ели молча, и в комнате было тепло и спокойно, и Джанан смотрела на них всех — на Мурада, который ел и хмурился, потому что суп был слишком горячим, на Кёсем, которая улыбалась Фатме, на Мехмеда, который тянулся к Мустафе, на Фатму, которая кормила их,

как своих, — и думала о том, что, может быть, в этом мире есть место и для них. Может быть, они найдут здесь не только крышу над головой, но и людей, которые поймут их. Может быть, они справятся.

— Спасибо, — сказала она тихо, и в этом слове было всё, что она не могла выразить.

Фатма посмотрела на неё и улыбнулась.

— Не благодарите, — сказала она. — Просто живите. И будьте счастливы. Это лучшее, что вы можете сделать для меня.

Глава 9. Воспоминания о прошлом

Комната на втором этаже оказалась небольшой, но чистой и светлой. В ней стояла кровать, покрытая простым шерстяным одеялом, небольшой стол у окна и деревянный шкаф, в котором пахло старой древесиной и лавандой. Джанан поставила чемодан на пол и начала раскладывать вещи, и Кёсем помогла ей, а Мурад стоял у окна и смотрел на улицу, которая была совсем не похожа на те улицы, что он знал.

— Здесь так тихо, — сказал он наконец. — В Топкапы всегда было слышно, как ходят слуги, как переговариваются евнухи, как звенят ключи у Хаджи-аги. А здесь только птицы и далёкий шум машин.

— Это ненадолго, — ответила Джанан, складывая одежду в шкаф. — Скоро ты привыкнешь к тишине, и она покажется тебе даже приятной.

Мурад ничего не ответил, и его плечи опустились, словно на них легла невидимая тяжесть. Он отошёл от окна и сел на край кровати, и его руки легли на колени, и он смотрел в пол так, словно видел там что-то, чего не видели другие.

Джанан заметила это и остановилась. Она уже знала этот взгляд. Она видела его в Топкапы в те дни, когда он думал о Баязиде, о Гевхерхан, о тех, кого потерял. И она поняла, что сейчас он думает о тех, кто остался там, в том времени.

Мурад тяжело вздохнул и поднял на неё глаза, и в этих глазах была такая тоска, что у неё сжалось сердце.

— Скажи мне, как ты думаешь, — произнёс он тихо, — как же там правление Касыма? Справится ли он? Он ведь никогда не хотел трона, и я боюсь, что он сломается под его тяжестью.

Джанан села рядом с ним и взяла его руку в свою.

— Касым сильнее, чем кажется, — сказала она мягко. — Он прошёл через кафес и не сошёл с ума, как дядя Мустафа. Он выдержал то, что сломило бы многих, и остался человеком. А теперь рядом с ним Кеманкеш, который знает, как править, и Ибрагим, который, хоть и не любит государственные дела, но не будет мешать, то есть не будет совершать ошибок. Касым освоится. Я верю в это.

Мурад кивнул, но было видно, что сомнения не отпустили его.

— А Атике? — спросил он, и его голос дрогнул. — Как она там, одна, без нас? Она так и не оправилась после смерти Гевхерхан, и я боюсь, что теперь, когда нас нет рядом, ей станет ещё тяжелее.

— Атике не одна, — ответила Джанан. — С ней Ханзаде и Ахмед. Она заботится о них, как о своих, и они любят её, как мать. А ещё с ней Кеманкеш, который всегда был добр к ней. Она справится. Она сильная женщина, и она доказала это не раз. А ещё рядом с ними Лялезар-калфа. Она заботливая и добрая.

Мурад помолчал, и его пальцы сжали её руку чуть крепче.

— А мои дети? — спросил он, и голос его стал совсем тихим. — Ханзаде и Ахмед. Они ведь ещё так малы. Ханзаде только начала понимать, кто я, а Ахмед ещё не умеет говорить. Что, если они забудут меня? Что, если они вырастут и не будут помнить, что у них был отец?

Джанан почувствовала, как к её горлу подступает комок, но она не позволила себе заплакать. Она должна была быть сильной для него и должна была поддержать его в такую непростую минуту.

— Они не забудут, — сказала она твёрдо. — Атике будет рассказывать им о тебе. Она будет говорить, что их отец был султаном, который взял Багдад, который защищал империю, который любил их больше жизни. И когда они вырастут, они будут гордиться тобой. Я обещаю.

Мурад закрыл глаза, и по его щеке медленно скатилась слеза. Он не вытирал её, словно не замечал.

— А Ибрагим? — спросил он после долгой паузы. — Он ведь совсем не создан для власти. Что, если он натворит глупостей? Что, если он приведёт империю к гибели?

— Ибрагим не будет править, — ответила Джанан. — Он будет жить своей жизнью, охотиться, развлекаться и не будет вмешиваться в дела. А Кеманкеш и Касым позаботятся о том, чтобы империя не пострадала. Ибрагим не опасен, Мурад. Он просто хочет, чтобы его оставили в покое.

Мурад молчал, и его лицо было задумчивым. Потом он спросил снова, и на этот раз его голос был ещё тише.

— А дядя Мустафа? Как он там без меня? Кто будет водить его на галеры? Кто будет слушать его рассказы о кораблях?

Джанан не сразу нашла, что ответить. Она знала, как Мурад любил своего дядю, как он заботился о нём, как он водил его на Босфор и слушал его бесконечные истории о кораблях и о матери и сестре.

— С ним будет Атике, — сказала она наконец. — Она присмотрит за ним. И Кеманкеш тоже. И Силахдар. Мустафа не останется один. Он будет жить в своих покоях, рисовать корабли и мечтать о море. И, может быть, иногда кто-нибудь будет водить его на галеры, чтобы он снова почувствовал запах ветра. Например, Кеманкеш и Силахдар его туда будут водить.

Мурад кивнул, но было видно, что это не принесло ему облегчения. Он отвернулся к окну, и его плечи дрожали, и Джанан поняла, что он плачет.

Кёсем, которая всё это время молчала, подошла и села с другой стороны от него. Она положила руку на его плечо, и её лицо было таким же печальным, как и у него.

— Я тоже скучаю, — сказала она тихо. — Я скучаю по Атике, которая всегда была рядом, даже когда мы ссорились. Я скучаю по Ханзаде, которая называла меня бабушкой, и по Ахмеду, который смеялся так, что его смех разносился по всему дворцу. Я скучаю по Кеманкешу, который всегда был верен мне, и по Хаджи-аге, который знал меня с юности и служил мне верой и правдой. Я скучаю по всему, что осталось там, и по всем, кто остался там.

Джанан почувствовала, как слёзы тоже подступают к её глазам, и на этот раз она не стала их сдерживать.

— Я тоже очень скучаю, — сказала она тихо. — Я скучаю по Лялезар, которая учила меня всему, что знала. Я скучаю по Мерьем, которая была мне как сестра. Я скучаю по садам Топкапы, по запаху жасмина, по виду Босфора из окна моих покоев. Я скучаю по всему, что было там.

В комнате воцарилась тишина. Никто не говорил, и только слышно было, как за окном кричат чайки и шумит далёкий город. Мурад, Кёсем и Джанан сидели рядом, и каждый думал о том, что осталось позади, и их сердца были полны тоски.

Потом Мурад поднялся. Он вытер лицо тыльной стороной ладони и выпрямился, и в его глазах снова появился тот самый огонь, который Джанан видела в самые трудные дни.

— Нельзя опускать руки, — сказал он твёрдо. — Мы не можем позволить себе слабость. Империя в порядке. Касым правит, Кеманкеш помогает, Атике заботится о детях. Всё будет хорошо. Я верю в это.

Он обернулся к ним и посмотрел на них своим привычным пронзительным взглядом, который его никогда не покидал..

— Вы — моя семья, — сказал он тихо. — Вы — всё, что у меня осталось. И вместе мы пройдём через любые трудности. Что бы ни случилось. Где бы мы ни были. Мы справимся, потому что мы вместе.

Он обнял их обеих, и его руки были тёплыми и сильными, и в этом объятии было столько любви, что Джанан почувствовала, как её сердце наполняется чем-то светлым.

Кёсем прижалась к сыну и закрыла глаза, и её лицо было спокойным, словно она нашла то, что искала.

— Мы справимся, — прошептала она. — Мы всегда справлялись.

Джанан обняла их обоих, и в этот момент она поняла, что они не просто семья. Они были чем-то большим. Они были теми, кто прошёл через огонь и воду, через дворцовые интриги и смертельные опасности, через потери и боль, и остался вместе. И это было самое важное.

Они стояли так долго, не размыкая объятий, и в комнате было тихо и тепло, и казалось, что весь мир за окном перестал существовать. Был только этот момент, только они, только их любовь.

Потом Джанан отстранилась и посмотрела на них, и в её глазах была и грусть, и надежда.

— Когда мы получим деньги, — сказала она, — я хочу показать вам современный Босфор. Я хочу отвести вас в Топкапы, в Голубую мечеть, в Айя-Софию. Я хочу, чтобы вы увидели, что всё осталось на своих местах. Что Босфор всё тот же, что Топкапы всё ещё стоит на холме, что мечети всё ещё возвышаются над городом. Мы пойдём на экскурсию, и вы увидите, что ваш мир не исчез. Он просто стал другим.

Мурад смотрел на неё, и по его щеке снова скатилась слеза. Он попытался сдержать её, но эмоции взяли верх, и он не стал вытирать лицо.

— Я хочу это увидеть, — сказал он тихо. — Я хочу увидеть Топкапы снова. Я хочу увидеть Босфор. Я хочу убедиться, что всё, что я любил, не исчезло.

Кёсем кивнула, и в её глазах тоже стояли слёзы.

— Я хочу увидеть Голубую мечеть, — сказала она. — Я хочу увидеть Айя-Софию. Я хочу снова почувствовать себя дома.

Джанан улыбнулась сквозь слёзы и сжала их руки.

— Вы почувствуете, — сказала она. — Я обещаю. Мы пойдём туда вместе, и вы увидите, что ваш мир жив. Он жив в камне, в воде, в небе. И он будет жить всегда.

Они сидели рядом, и за окном шумел Стамбул двадцать первого века, и в этом шуме было что-то знакомое, что-то, что напоминало о прошлом. И Джанан знала, что они справятся. Потому что они вместе. Потому что они одна крепкая и любящая семья. И потому что любовь, которая связала их, сильнее времени и пространства.

Глава 10. Жасмин в саду

Прошло несколько дней, и дом Фатмы стал для них тихим островом посреди шумного Стамбула. Утро начиналось с того, что Фатма варила кофе на маленькой кухне, и его горьковатый запах поднимался на второй этаж и будил их раньше, чем солнце успевало заглянуть в окно. Мустафа просыпался первым и бежал в комнату к Мехмеду, и они играли на полу с деревянными кубиками, которые Фатма нашла где-то в кладовой, и их смех разносился по всему дому.

Но даже в этой тихой жизни было что-то, что не отпускало их. Мурад часто замолкал посреди разговора и смотрел в окно так, словно видел за стеклом не улицу, а стены Топкапы. Кёсем подолгу сидела у окна с чашкой чая в руках, и её взгляд был направлен куда-то, словно она была где-то далеко. А Джанан чувствовала, как в её груди поселилась тихая тоска, которая не проходила ни днём, ни ночью.

Однажды вечером, когда Мехмед уже спал, а Мурад сидел у окна и смотрел на звёзды, Джанан сидела на кровати и вспоминала. Она вспоминала, как ещё до того, как попала в Топкапы, она полюбила сериал «Великолепный век». Она могла пересматривать его несколько раз подряд, и каждый раз находила что-то новое в истории Хюррем и Сулеймана. Хюррем стала для неё человеком для подражания. Она вспоминала её звонкий смех, который разносился по всему дворцу, её интриги с Махидевран, Хатидже и другими госпожами, вспоминала волшебные звуки скрипки Ибрагима-паши, которые доносились с балкона Топкапы. Эти мелодии тогда проникли в сердце Джанан, и она каждый раз, вслушиваясь в их звучание, находила, что они о чём-то говорят: о смысле жизни, о любви, о счастье и потерях. Она вспоминала, как потом влюбилась в сериал «Империя Кёсем», и как потеряла голову от султана Мурада, который смотрел с экрана так, словно видел её насквозь. Она вспоминала, как попала в Топкапы семнадцатого века, как встретила Мурада в коридоре дворца, как между ними расцвела любовь, словно жасмин в саду, который распускается медленно и наполняет воздух своим благоговейным ароматом.

Она долго так смотрела на Мурада и улыбалась, и в этой улыбке было столько нежности и тепла, что он заметил её и обернулся.

— Почему ты так загадочно улыбаешься? — спросил он, и его голос был тихим и мягким. — Ты смотришь на меня так, словно что-то интересное вспомнила.

Джанан помолчала некоторое время, а потом сказала:

— Я вспоминала, как влюбилась в тебя ещё до того, как попала в Топкапы. Я видела тебя на экране, в историях о твоей жизни, и не могла отвести глаз. Я смотрела на тебя и думала, что никогда не встречала такого человека. А потом я попала во дворец и увидела тебя вживую, и поняла, что экран не передаёт и сотой доли того, кто ты есть на самом деле.

Мурад смотрел на неё долгим, изучающим взглядом, и в его глазах было что-то похожее на удивление.

— И что же именно тебя так привлекло? — спросил он тихо. — Почему ты тогда так влюбилась в меня?

Джанан улыбнулась и пересела ближе к нему, и её рука легла на его руку.

— Безмерная мужская страсть, — сказала она. — Смелость, которая не знает границ. Сила, как у льва, который идёт вперёд, не оглядываясь. Тяжёлая поступь, от которой дрожит земля. Целеустремлённость, которая не даёт тебе остановиться ни перед чем. Острый ум, который видит то, чего не видят другие. Твой пронзительный взгляд, который смотрит в самую душу. Твой глубокий голос, который звучит так, словно сама земля говорит с тобой. Твои красивые, глубокие глаза, в которых можно утонуть. И твои поступки, которые говорят о тебе больше, чем любые слова.

Мурад улыбнулся, и эта улыбка была тёплой и немного смущённой.

— И все эти качества сохранились во мне сейчас? — спросил он. — Или этот мир отнял их у меня?

— Конечно, сохранились, — ответила Джанан, и её голос был твёрдым. — Но к ним добавилось ещё кое-что. Раскрылась твоя доброта, которая всегда была в тебе, но которую ты прятал за стеной. Раскрылась твоя нежность, которую ты показывал только самым близким. Раскрылась твоя справедливость, которая теперь ведёт тебя, а не страх. Я обожаю тебя, Мурад. Не за то, каким ты был, а за то, каким ты стал.

Мурад притянул её к себе и прижал так крепко, словно боялся, что она исчезнет, и его подбородок лёг ей на макушку.

— Ты — моё счастье, — сказал он тихо. — Ты — моя жизнь. И я не знаю, что было бы со мной без тебя.

Кёсем сидела в углу комнаты и видела эту сцену, и на её губах появилась тёплая улыбка, которая, впрочем, быстро сменилась строгостью.

— Все страсти потом, — сказала она, и её голос был твёрдым, но в нём слышалась едва заметная усмешка. — Сначала надо решить дела. Мы не можем сидеть здесь и смотреть друг на друга, когда у нас ещё нет документов, нет денег и нет плана. Сначала — дела, потом — нежности.

Мурад и Джанан переглянулись и улыбнулись, и в их улыбках было что-то такое детское и непосредственное, что Кёсем невольно умилилась.

— Хорошо, валиде, — сказал Мурад и поцеловал мать в щёку. — Мы займёмся делами. Но позволь нам хотя бы минуту счастья.

Кёсем покачала головой, но её глаза смеялись.

Джанан смотрела на них и думала о том, как же им не хватало этого в Топкапы. Там они всегда были заняты интригами, заговорами, опасностями, и у них не было времени просто быть вместе. Они не могли позволить себе нежности, потому что каждое мгновение слабости могло стоить жизни. А здесь, в этом тихом доме, они наконец могли просто сидеть рядом и держаться за руки, и это было самое большое счастье, которое они когда-либо знали.

Мурад, словно прочитав её мысли, прижал её к себе крепче и сказал:

— В Топкапы я не мог позволить себе любить тебя так, как хотел. Там каждый мой шаг был под прицелом, каждое моё слово могло быть использовано против меня. Но здесь, в этом мире, где нет дворца, нет интриг и нет кафесов, я могу любить тебя так, как хочу. И я буду любить тебя каждый день до конца своей жизни.

Джанан почувствовала, как слёзы счастья подступают к её глазам.

— Я тоже, — прошептала она. — Я тоже буду любить тебя каждый день до конца своей жизни… И даже после.

Кёсем смотрела на них и чувствовала, как в её сердце что-то теплеет и болит одновременно. Она вспоминала свою любовь с Ахмедом, которая была такой же сильной и такой же невозможной. Она вспоминала, как он смотрел на неё, как он говорил ей слова в том жасминовом саду, которые она никогда не забудет. И она вспоминала Кеманкеша, который всегда был рядом, который любил её так, как она когда-то любила Ахмеда. И в её голове промелькнула мысль, которую она не сказала вслух: как было бы хорошо, если бы Кеманкеш тоже был здесь. Она тоже хотела любить и быть любимой. Она тоже хотела снова почувствовать, что значит быть живой.

Она отвернулась к окну, чтобы никто не заметил её слёз, и в этот момент Джанан подошла к ней и села рядом.

— Вы тоже скучаете по нему, — сказала она тихо, и это был не вопрос.

Кёсем помолчала, а потом кивнула.

— Скучаю, — сказала она. — Он всегда был рядом. Он был моей опорой, моей тенью, моим самым верным другом. Он меня никогда не предавал, Джанан. Я помню, как он жизнь готов был отдать за меня в том фонде. Тогда мальчик вонзил в меня кинжал, а Кеманкеш на своих руках отвёл меня туда, где меня никто не мог тронуть. Он жертвовал собой ради меня. Он выжил, и я выжила. И теперь, когда его нет рядом, я чувствую себя так, словно потеряла часть себя.

Джанан взяла её за руку и сжала.

— Он найдёт способ быть рядом, — сказала она. — Даже на расстоянии. Он умный и преданный. И когда-нибудь, может быть, мы снова встретимся. В жизни бывают чудеса. Мой случай тому подтверждение. И наш случай…

Кёсем посмотрела на неё, и в её глазах была и благодарность, и надежда.

— Может быть, — сказала она тихо. — Может быть.

Они сидели рядом, и за окном шумел Стамбул, и в этом шуме было что-то знакомое и родное. И Джанан знала, что их история — это только начало. И почему-то она была уверена, что чудеса ещё не закончились. Возможно, Кеманкеш тоже сможет быть с ними когда-то в будущем. И, возможно, они с валиде будут счастливы вместе. Она приняла эту мысль с улыбкой, и надежда расцвела в её груди, как жасмин в весеннем саду.

Глава 11. Возвращение в Топкапы

День, когда всё разрешилось, начался с телефонного звонка. Ахмет сообщил, что суд рассмотрел дело и вынес решение в их пользу: личности Мурада и Кёсем установлены, документы готовы, можно приходить и забирать. А ещё через час из банка пришло уведомление, что экспертиза монет завершена и можно забирать деньги.

Они пришли в банк вместе, и когда служащий вынес им бумаги и назвал сумму, Джанан на мгновение потеряла дар речи. Золото из сундука Мурада оказалось не просто старинными монетами — это была коллекция, которую оценили в сумму, которой хватило бы на безбедную жизнь в течение нескольких лет. Мурад выслушал цифру с непроницаемым лицом, а потом медленно кивнул, словно принимая доклад казначея.

— Хорошо, — сказал он. — Это больше, чем я ожидал. Значит, казна не пуста.

Он повернулся к Джанан и протянул ей несколько пачек банкнот.

— Здесь то, что ты потратила на нас, — сказал он, и его голос был стальным. — И даже больше. А остальное… — он обвёл рукой деньги, лежавшие на столе, — остальное теперь наше общее. Ты можешь распоряжаться ими так, как считаешь нужным. Я доверяю тебе.

Джанан смотрела на него и не знала, что сказать. Она привыкла к тому, что в Топкапы каждая монета была на счету, что деньги выдавались по указу, что казна была неприкосновенна. А здесь Мурад просто отдал ей всё, без условий, без оговорок, без надзора.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Я не подведу никого из вас.

Потом они пошли за документами. Паспорта были готовы, и когда Мурад взял в руки свою маленькую книжечку с тёмной обложкой, он долго смотрел на неё, словно не верил, что это действительно его. Он открыл её и уставился на свою фотографию, и его брови медленно поползли вверх.

— Это я? — спросил он с недоумением. — Здесь я выгляжу так, словно меня поймали на месте преступления и заставили смотреть в этот ящик.

Джанан заглянула через его плечо и не смогла сдержать улыбки. На фотографии Мурад был запечатлён с тем самым выражением лица, с которым он обычно выслушивал донесения о мятежах: губы сжаты, взгляд тяжёлый, брови нахмурены.

— Ты выглядишь как султан, — сказала она. — Серьёзный и неприступный.

— Я выгляжу как человек, который вот-вот отдаст приказ о казни, — проворчал Мурад, но было видно, что фотография его заинтересовала. Он повертел паспорт в руках, посмотрел на него с другой стороны, потом закрыл и снова открыл, словно проверяя, не исчезнет ли изображение.

Кёсем тоже открыла свой паспорт и долго разглядывала фотографию, и было видно, что она о чём-то размышляет.

— Здесь я выгляжу старше, чем себя чувствую, — сказала она наконец. — Но, пожалуй, это неплохо. Пусть все думают, что я старая и безобидная.

Мурад усмехнулся, и Джанан рассмеялась, и в этот момент она почувствовала, что впервые за долгое время они все вместе смеются легко и свободно, потому что основные дела теперь были завершены.

— Теперь нам нужно планировать поездку в Россию, — сказала Джанан, когда они вышли из здания. — Но прежде чем мы уедем, я хочу показать вам современный Стамбул. Настоящий Стамбул, а не тот, который вы видели из окна такси.

Мурад и Кёсем переглянулись, и в их глазах было что-то похожее на любопытство, смешанное с осторожностью.

— Ты хочешь показать нам Топкапы? — спросил Мурад тихо.

— Да, — ответила Джанан. — И не только. Я хочу показать вам Босфор с воды, Айя-Софию, Голубую мечеть, площадь Султанахмет, рынок. Я хочу, чтобы вы увидели, что ваш мир не исчез. Он жив, просто стал другим.

Кёсем молчала, и её лицо было несколько секунд задумчивым. Потом она сказала:

— Я хочу увидеть площадь Султанахмет. Она названа в честь моего мужа, султана Ахмеда. Я хочу увидеть место, которое носит его имя.

— Мы увидим, — пообещала Джанан. — Всё увидим.

Они решили не откладывать свои планы и уже на следующее утро отправились на экскурсию. Джанан заказала целый день с гидом и машиной, и когда они вышли из дома Фатмы, солнце только поднималось над Босфором, и город был ещё прохладным и тихим.

Первым делом они отправились на яхту. Джанан выбрала небольшое судно, которое могло вместить их вчетвером — Мурад, Кёсем, Мехмед и она сама, — и когда они поднялись на борт, Мурад остановился у перил и посмотрел на воду.

— Это тот же Босфор, — сказал он тихо. — Тот же, что и в моё время. Вода такая же тёмная, и чайки кричат так же, и ветер пахнет морем.

— Это он, — подтвердила Джанан. — Босфор не меняется. Он был здесь до нас и будет после.

Яхта медленно отошла от причала и поплыла вдоль берега, и Мурад смотрел на проплывающие мимо дворцы, мечети, крепости, и его лицо было задумчивым.

— А вот там, — сказал он, указывая на дворец, стоявший на берегу, — там был мой дворец. Топкапы. Я вижу его купола и минареты, и мне кажется, что я сейчас сойду на берег и войду в свои покои.

— Мы туда как раз поплывём, — сказала Джанан. — Но сначала я хочу, чтобы вы увидели Босфор целиком. С воды он выглядит иначе, чем с берега.

Кёсем стояла у другого борта и смотрела на азиатский берег, и в её глазах было что-то похожее на изумление.

— В моё время здесь были деревни и сады, — сказала она. — А теперь я вижу дома, которые стоят так плотно, что между ними нет ни клочка земли. И всё это тянется до самого горизонта.

— Здесь живёт больше людей, чем в ваше время, — ответила Джанан. — Стамбул вырос. Но вода осталась той же.

Они плыли почти час, и за это время Мурад и Кёсем увидели мост через Босфор, крепость Румелихисар, дворцы, которые когда-то принадлежали султанам, и современные здания из стекла и бетона, которые возвышались над водой. Мурад смотрел на всё это молча, и его лицо отражало множество вопросов в его голове.

— Я не понимаю, как можно было построить всё это, — сказал он наконец. — В моё время, чтобы построить мечеть, уходили годы. А здесь дома вырастают за месяцы, и мосты висят над водой, словно их держит невидимая рука.

— Это наука, — ответила Джанан. — Люди научились строить быстрее и выше. Но красота осталась той же.

После яхты они поехали в Топкапы. Джанан заранее купила билеты, и когда они вошли в ворота, Мурад остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Он смотрел на знакомые стены, на фонтаны, на деревья, которые помнил с детства, и его лицо менялось с каждой секундой.

— Это мой дом, — прошептал он. — Это мой дом, и я не могу поверить, что я снова здесь. Всё осталось таким же, о Аллах. Неужели это мой дворец?

Они шли по дворцу, и Джанан показывала им залы, которые теперь были музеями. Мурад смотрел на витрины с одеждой, с оружием, с посудой, и его лицо было задумчивым.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на один из залов, — здесь я принимал послов. Я сидел на троне, а они стояли передо мной и не смели поднять глаз.

— А теперь здесь ходят туристы, — сказала Джанан. — И никто не боится. Люди очень интересуются историей. Они даже приезжают сюда из разных стран, чтобы увидеть этот дворец, прямо как я. Я тоже прибыла в Турцию для того, чтобы пройтись по этим великолепным покоям, залам и коридорам Топкапы. Но, как вы знаете, всё развернулось немного по-другому. Получилось даже лучше. Я попала сюда не на один день, а на годы. Я безмерно благодарна Аллаху за то, что он свёл меня с тобой, Мурад, таким вот необычным образом. Я сама стала свидетельницей того, как люди жили тут. Я сама стала одной из них.

Мурад ничего не ответил, но его лицо стало более задумчивым и грустным.

Они прошли в гарем, и Кёсем остановилась у входа, и её лицо побледнело.

— Здесь я жила, — сказала она тихо. — Здесь я правила. Здесь я боролась за своих детей и за свою жизнь. А теперь здесь ходят люди с телефонами и фотографируют стены, которые помнят меня.

Джанан взяла её за руку и сжала.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, как это трудно понимать, что раньше этот дворец был вашим домом. Он и моим домом стал. И мне тоже очень тяжело сдерживать свои эмоции и слова, находясь здесь. Я помню, что, когда смотрела тот сериал, временами я просто плакала от того, как хотела попасть сюда. Я попала, и вот мы здесь все вместе. Это просто чудо.

Они прошли по коридорам гарема, и Кёсем показывала на двери и говорила, что за ними было: здесь были покои валиде, здесь — покои хасеки, здесь — комната для прислуги. Мурад шёл рядом и молчал, и его лицо было таким, словно он видел перед собой призраков.

Потом они вышли на балкон, который выходил на Босфор. Это был тот самый балкон, с которого Мурад смотрел на воду в те дни, когда ему было тяжело и когда он искал ответы на вопросы, которые не давали ему покоя. Тогда обычно рядом с ним находились Силахдар или Кеманкеш, либо он был один.

Мурад остановился и посмотрел на воду, и его плечи опустились под тяжестью чувств, которые он испытывал..

— Здесь я стоял, — сказал он тихо. — Здесь я смотрел на Босфор и думал о том, что я один. Я был султаном, у меня были слуги, визири, жёны, дети. Но я был один, и никто не мог понять, что творится в моей душе.

Он облокотился рукой о стену и закрыл глаза, и его лицо исказилось, словно от боли. Джанан и Кёсем стояли рядом и молчали, потому что понимали, что сейчас ему нужно не утешение, а возможность выговориться.

— Я не понимаю, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я не понимаю, как это место, которое было моим домом, стало музеем. Как эти стены, которые помнят мои шаги, теперь помнят шаги туристов. Как этот балкон, с которого я смотрел на Босфор, теперь стал местом, где люди фотографируются.

Он замолчал, и его дыхание стало тяжёлым. Потом он открыл глаза и посмотрел на воду, и по его щеке скатилась слеза, и он не стал её вытирать.

— Там остались мои дети, — сказал он, и его голос сорвался. — Ханзаде и Ахмед. Там остались Атике, Касым, Ибрагим, Силахдар, Кеманкеш, дядя Мустафа. Все, кого я любил. Все, кого я оставил. И я не знаю, увидят ли они меня когда-нибудь вновь.

Он отвернулся от перил и прислонился спиной к стене, и его тело сотряслось от рыданий. Это были не тихие слёзы, которые он сдерживал раньше, а громкие, отчаянные рыдания, которые вырывались из самой глубины его души.

Кёсем шагнула к нему и обняла его, и её лицо было мокрым от слёз, которые она тоже не сдерживала. Джанан обняла их обоих, и они стояли так, прижавшись друг к другу, и плакали, и в этом плаче было всё: тоска по прошлому, боль от потери, страх перед будущим и любовь, которая связывала их и не давала сломаться.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал Мурад, когда немного успокоился. — Я не знаю, смогу ли я жить в этом мире. Я не знаю, смогу ли я забыть то, что было.

— Тебе не нужно забывать, — сказала Джанан, и её голос был тёплым и твёрдым. — Ты должен помнить. Помнить своих детей, свою сестру, своих братьев, своих друзей. Помнить Топкапы, Босфор, гарем. Помнить всё, что было. Потому что это — часть тебя. И если ты это забудешь, ты забудешь себя.

Мурад закрыл глаза и прижал её к себе, и его руки были крепкими и тёплыми.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо за то, что ты показала мне эти места. Спасибо за то, что не дала мне сломаться.

— Я никогда не дам тебе сломаться, — ответила Джанан. — Я всегда буду рядом и я всегда буду твоей поддержкой.

Кёсем отстранилась и вытерла лицо тыльной стороной ладони, и её глаза были красными от слёз, но в них была решимость, которая была присуща этой великой госпоже.

— Мы найдём способ вернуться, — сказала она. — Не сегодня, не завтра, но мы найдём. И тогда мы снова увидим тех, кто остался. Я верю в это.

Мурад посмотрел на неё и медленно кивнул.

— Я тоже верю, — сказал он.

Они стояли на балконе ещё долго, смотрели на Босфор, на чаек, на воду, которая не менялась, и в какой-то момент солнце начало клониться к западу, и небо окрасилось в розовые и золотые тона, и Мурад посмотрел на него и улыбнулся.

— Красиво, — сказал он тихо. — Так же красиво, как было раньше, когда я стоял тут один. Я вспомнил один момент: тогда я стоял на балконе с Кеманкешем и Силахдаром. Тогда Хезарфен должен был взлететь. Он взлетел с башни Галата и пролетел над Босфором, словно птица. Мы стояли и смотрели на это зрелище вместе. Это было невероятно.

После Топкапы они поехали к Айя-Софии, и когда Мурад увидел её купола, он остановился и смотрел на них долгим, изумлённым взглядом.

— Она стоит, — сказал он. — Она всё ещё стоит.

— Стоит, — подтвердила Джанан. — Она пережила империю, которая её построила, и империю, которая её завоевала. Она пережила всё.

Они вошли внутрь, и Кёсем ахнула, когда увидела купол, который возвышался над ними, словно небеса, и её лицо осветилось.

— Я не была здесь много лет, — сказала она. — А она всё та же.

Потом они пошли к Голубой мечети, и Кёсем долго смотрела на её минареты, и её лицо было задумчивым.

— Эта мечеть была построена при моём муже, — сказала она. — Султан Ахмед хотел, чтобы она была самой красивой в мире. И она стала.

Они прошли на площадь Султанахмет, и Кёсем остановилась посреди площади и посмотрела вокруг, и её лицо было таким, словно она видела перед собой не туристов, а своих подданных.

— Эта площадь названа в его честь, — сказала она. — В честь моего мужа. И это значит, что он не забыт. Она помнит его имя. Люди помнят его имя, и это самое важное.

Джанан взяла её за руку, и Кёсем сжала её пальцы, и в этом пожатии была безмерная благодарность.

Они гуляли по площади, по рынку, где когда-то был тот самый рынок, куда Бейнем-ага ходил за продуктами для кухни. Мурад оглядывался по сторонам и смотрел на прилавки, на специи, на сладости, на украшения, и в его глазах было выражение, от которого становилось понятно, что сейчас он думает о многом и вспоминает многое.

— Здесь всё было иначе, — сказал он. — Но в то же время похоже. Запахи, люди, шум. Как будто я вернулся в прошлое, но прошлое стало другим.

Он купил для Джанан И Кёсем сладости — рахат-лукум, пахлаву, халву, — украшения, и для себя — небольшой кинжал, который, как он сказал, будет напоминать ему о том, что он был воином.

— Это тебе, — сказал он, протягивая Джанан шкатулку с украшениями. — И это тоже тебе. И вот это.

— Ты не должен тратить на меня так много, — сказала Джанан, но в её глазах было столько тепла, что слова были не нужны.

— Я хочу, — ответил Мурад. — Я хочу, чтобы у тебя было всё, что ты хочешь.

Они вернулись домой поздно вечером, усталые, но счастливые. Мурад сел на кровать и посмотрел на свёртки и пакеты, которые они принесли, и его лицо было более спокойным.

— Сегодня я увидел свой дом, — сказал он тихо. — И это было тяжело. Но это было нужно. Потому что теперь я знаю, что он жив. Что он не исчез. Что он просто изменился.

Он повернулся к Джанан и посмотрел на неё с таким выражением, что на мгновение она забыла обо всём на свете.

— Спасибо, — сказал он. — Хоть мне и было больно находиться там, мне было это необходимо. Я должен был убедиться в том, что всё осталось на своих местах, что ничего не разрушено. Я увидел это своими глазами и немного успокоился. Знаешь, я ещё очень долго буду чувствовать боль, что оставил тех, кто был мне предан и кого я любил, там, но мне спокойно, потому что ты рядом, потому что матушка рядом.

Джанан подошла к нему и села рядом, и её рука легла на его руку.

— Я всегда буду рядом, — сказала она. — Всегда. И твоя валиде тоже всегда будет рядом с нами. И, Мурад, мой лев, мы обязательно найдём способ снова туда вернуться. Мы вернём Кеманкеша для твоей матери. Я хочу, чтобы и она испытала счастье и любовь снова. Мы убедимся в том, что всё в порядке. Почему-то я убеждена в том, что всё там у них хорошо. И я стала воспринимать тот дворец как свой родной дом. И мне ещё очень долгое время будет больно от того, что мы там всё оставили. Но оставили мы в надёжных руках. Я в этом уверена. Знай, нас ждёт Россия. Вы привыкнете, я вас всему научу. Вы моя семья, вы мне очень дороги. И ты, Мурад, и Кёсем-султан, и наш сын Мехмед.

Глава 12. Стальная птица

Сборы заняли всё утро. Джанан складывала вещи в чемодан, и Кёсем помогала ей, аккуратно сворачивая одежду так, как её учили в гареме, — каждый предмет отдельно, каждый шов разглажен. Мурад ходил по комнате и проверял, не забыли ли они чего-нибудь, и его лицо было сосредоточенным, словно он готовился не к перелёту, а к военному походу.

— Ты уверена, что мы взяли всё? — спросил он, заглядывая в шкаф. — А если мы что-то оставили, и это что-то нам понадобится в дороге?

— Мы взяли всё, что нужно, — ответила Джанан, закрывая чемодан. — А если чего-то не хватит, мы купим это в России.

Мурад покачал головой, но спорить не стал.

Фатма ждала их на кухне, и на столе стоял завтрак, который она приготовила, словно провожала их в дальний путь. Мустафа сидел рядом с ней и держал Мехмеда за руку, и мальчик смотрел на малыша с таким выражением, словно прощался с братом.

— Вы всегда будете желанными гостями в этом доме, — сказала Фатма, и её голос дрогнул. — Если вам когда-нибудь понадобится помощь, приходите. Я помогу, чем смогу.

Кёсем подошла к ней и обняла её, и в этом объятии было столько тепла, что Джанан почувствовала, как в её груди что-то оттаивает.

— Вы сделали для нас больше, чем мы могли ожидать, — сказала Кёсем тихо. — Вы дали нам кров, когда нам негде было жить. Вы накормили нас, когда мы были голодны. Вы не отвернулись от нас, когда другие отвернулись. Я не забуду этого.

Фатма улыбнулась и погладила её по руке.

— Не благодарите меня, — сказала она. — Просто будьте счастливы.

Мурад подошёл к ней и поклонился так, как кланялись султаны, и Фатма смутилась и замахала руками.

— Что вы, что вы, — сказала она. — Я не заслуживаю таких поклонов.

— Заслуживаете, — ответил Мурад твёрдо. — Вы — женщина, которая спасла мою семью. За такое вы получите больше денег.

Фатма рассмеялась и махнула рукой.

— Мне не нужно больше денег, — сказала она. — Мне нужно только, чтобы вы были живы и здоровы.

Но Мурад уже протянул ей ещё несколько дополнительных купюр. Сначала Фатма не принимала этих денег, но Мурад настоял на своём. Фатма взяла их и поблагодарила его.

Они попрощались и вышли из дома, и солнце уже стояло высоко, и улица была наполнена людьми, которые спешили по своим делам. Джанан вызвала такси, и через несколько минут машина остановилась у дома, и они сели в неё, и Мехмед уснул на руках у Кёсем, словно чувствовал, что впереди их ждёт долгая дорога.

Аэропорт встретил их шумом, суетой и множеством людей, которые бежали куда-то с чемоданами в руках. Мурад остановился на входе и посмотрел вокруг, и его лицо стало таким, словно он попал в другой мир.

— Что это за место? — спросил он, и его голос был громким, чтобы перекрыть шум. — Почему здесь столько людей? Куда они все спешат?

— Это аэропорт, — ответила Джанан. — Здесь люди садятся на самолёты и летят в другие города и страны.

Мурад нахмурился и посмотрел на неё с недоумением.

— Самолёты? — переспросил он. — Это те самые машины, которые летают по небу? Я видел их, когда мы были на яхте. Они похожи на больших птиц из металла.

— Да, — сказала Джанан. — Это как раз они и есть.

Мурад покачал головой и огляделся по сторонам, и его взгляд задержался на табло с расписанием рейсов, на котором светились буквы и цифры.

— А это что? — спросил он, указывая на табло. — Почему там горят какие-то слова и цифры?

— Это расписание, — объяснила Джанан. — Здесь написано, какие самолёты и когда вылетают. Мы должны найти свой рейс.

Мурад посмотрел на табло, потом на неё, и его лицо стало растерянным.

— Я не понимаю, — сказал он. — Как можно найти свой рейс среди такого количества? Здесь сотни слов и цифр, и все они движутся.

Джанан тоже остановилась на мгновение и посмотрела на табло, и на её лице появилось выражение, которое она старалась скрыть. Она поняла, что немного растерялась. Когда она прилетела в Стамбул, она заблудилась тут и мама на другом конце провода старалась её успокоить. Сейчас Джанан поняла, что не совсем понимает, в каком именно направлении им идти.

— Так, подождите. Я тоже не понимаю, — призналась она. — Нам надо разобраться, в какую сторону идти. Нам надо найти свой терминал. Так, нам нужен самолёт, который летит в Москву.

Кёсем с Мехмедом на руках смотрела на Джанан и на сына с тревогой.

— Вы хотите сказать, что мы заблудились? — спросила она. — В этом огромном доме, где столько людей и столько шума?

— Пока нет, — сказала Джанан. — Но, кажется, мы идём не совсем туда. Тут рейсы в другие страны, а не в Россию. И русских я не вижу пока. Обычно русских здесь много.

Они прошли ещё несколько шагов и оказались перед стеклянными дверями, за которыми был ещё один зал, ещё больше и ещё шумнее, и Мурад снова остановился.

— А это что? — спросил он. — Почему здесь столько дверей и столько коридоров? Как можно запомнить, куда идти?

— Это терминал, — ответила Джанан. — Здесь проходит регистрация, потом проверка, потом посадка. Нам нужно найти стойку нашей авиакомпании.

— А что такое авиакомпания? — спросил Мурад.

— Это компания, которая владеет самолётами, — сказала Джанан. — Как в ваше время были купцы, которые владели кораблями, так здесь есть компании, которые владеют самолётами.

Мурад кивнул, но было видно, что он не совсем понял.

Они прошли ещё немного и оказались перед эскалатором, и Мурад снова остановился.

— А это что? — спросил он. — Почему ступени движутся сами? Это какая-то магия?

— Это эскалатор, — ответила Джанан, едва сдерживая улыбку от его слов, потому что Мурад был очень милым, когда он чего-то не понимал и с растерянным лицом интересовался у неё и задавал ей много вопросов. — Он помогает людям подниматься наверх. Тебе не нужно идти, он сам тебя поднимет. Это тоже техника, Мурад.

Мурад посмотрел на эскалатор с недоверием, но всё же шагнул на него, и когда ступени понесли его вверх, он схватился за поручень и посмотрел на Джанан с таким выражением, словно ожидал, что сейчас произойдёт что-то ужасное.

— Это так странно, — сказал он, когда они поднялись наверх. — Я чувствую себя так, словно стою на месте, а мир движется вокруг меня.

— Это безопасно, — заверила его Джанан. — Все так делают. Смотри, все стоят спокойно. Все куда-то идут по своим делам.

Они прошли ещё несколько коридоров, и Джанан окончательно потерялась, и в какой-то момент она остановилась и посмотрела по сторонам с растерянным лицом.

— Я не знаю, куда идти, — призналась она. — Здесь как будто всё изменилось, и я не помню, где находится стойка нашей авиакомпании.

Кёсем посмотрела на неё с тревогой.

— Что же нам делать? — спросила она. — Мы не можем опоздать на самолёт. Он улетит, и мы останемся тут.

Джанан огляделась по сторонам и увидела женщину в форме, которая стояла у стойки информации, и её лицо загорелось надеждой.

— Подождите меня здесь, — сказала она. — Я спрошу у неё.

Она подошла к стойке и заговорила с женщиной, и та улыбнулась и показала рукой направление, и Джанан кивнула и вернулась к своим.

— Она сказала, что нам нужно идти прямо, потом повернуть налево, потом подняться на второй этаж, — сказала она. — Мы почти на месте.

Мурад вздохнул с облегчением.

— Я думал, что мы никогда не найдём этот самолёт, — сказал он. — В моё время, чтобы сесть на корабль, нужно было прийти в порт и найти свой корабль. Это было проще, потому что кораблей было не так много.

— Здесь самолётов много, — сказала Джанан. — Но зато они летают быстрее, чем корабли. Мы доберёмся до России за несколько часов.

Они прошли регистрацию, сдали багаж и прошли проверку, и Мурад с Кёсем смотрели на всё с таким выражением, словно их ведут на казнь. Когда они наконец оказались в зале ожидания, Мурад сел на стул и посмотрел на самолёты, которые стояли за стеклом, и его лицо стало задумчивым.

— Это они, — сказал он тихо. — Это те самые стальные птицы. Они такие большие.

— Большие, — согласилась Джанан. — Но внутри они удобные.

Мурад посмотрел на неё с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что мы сядем в эту птицу и полетим над землёй? — спросил он. — А что, если она упадёт? Что, если мы умрём?

— Она не упадёт, — сказала Джанан твёрдо. — Самолёт — это самый безопасный транспорт в мире. Люди летают на самолётах каждый день, и почти никогда ничего не случается.

— Почти? — переспросил Мурад.

— Почти, — ответила Джанан. — Но с нами всё будет хорошо. Я обещаю. Я это чувствую.

Кёсем прижала Мехмеда к груди и посмотрела на самолёт с тревогой.

— Я никогда не летала, — сказала она тихо. — В моё время люди не летали. Они плавали на кораблях, ездили на лошадях, ходили пешком. А здесь... — она покачала головой, — здесь люди летают, словно птицы. Только Хезарфен смог взлететь на своих крыльях, но он недолго пролетел.

— Это удивительно, — сказала Джанан. — И немного страшно. Но это безопасно. Видите, Хезарфен пролетел и с ним ничего страшного не произошло. Мы в безопасности.

Они сели в самолёт, и когда он начал взлетать, Мурад схватился за подлокотники и закрыл глаза, а Кёсем прижала Мехмеда к груди и замерла.

— Это нормально, — сказала Джанан, и её голос был спокойным. — Мы просто поднимаемся в воздух. Через несколько минут всё будет тихо.

Самолёт поднялся, и когда он выровнялся, Мурад открыл глаза и посмотрел в иллюминатор, и его лицо изменилось.

— Я вижу облака, — сказал он тихо. — Они под нами. И город — он такой маленький.

Кёсем тоже посмотрела в иллюминатор и ахнула.

— Я никогда не видела такого, — сказала она. — Всё такое маленькое, словно игрушечное.

Джанан улыбнулась и рассказала им о том, как устроен самолёт, как работают двигатели, как пилоты управляют машиной, и Мурад с Кёсем слушали её с интересом, и их вопросы становились всё более уверенными.

Потом Джанан решила, что настало время для урока русского языка. Она уже начала учить Мурада в Топкапы, и он освоил алфавит и несколько базовых слов, и она хотела, чтобы он повторил их и чтобы Кёсем тоже начала учиться.

— Давай повторим то, что ты уже знаешь, — сказала она на турецком, обращаясь к Мураду. — Скажи мне, как будет «здравствуйте»? (Merhaba)

Мурад на мгновение задумался, а потом сказал:

— Здравствуйте.

— Хорошо, — похвалила его Джанан. — А как будет «спасибо»? (tesekkur ederim)

— Спасибо, — ответил Мурад.

— А «пожалуйста»? (lutfen)

— Пожалуйста.

— Молодец, — сказала Джанан и улыбнулась. — Теперь давай научим Кёсем алфавиту.

Она достала блокнот и ручку и написала на бумаге русские буквы, и Кёсем смотрела на них с недоумением.

— Это что? — спросила она. — Это какие-то знаки?

— Это буквы, — объяснила Джанан. — Русский алфавит. В нём тридцать три буквы, и каждая обозначает свой звук.

Кёсем посмотрела на буквы и нахмурилась.

— Они не похожи на те, что я знаю, — сказала она. — В моё время я знала арабскую вязь и немного латынь. А это... — она покачала головой, — это что-то совсем другое.

— Это несложно, — сказала Джанан. — Смотрите: вот это «А», она звучит как «а». Вот это «Б», она звучит как «б». Вот это «В», она звучит как «в».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.